

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА

Д. Ш. ХАРАНУТОВА, Т. В. МАРХЕЕВА

РЕГИОНАЛИЗМЫ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОЛЕКТА
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Монография

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2019

УДК 811.161.1'347
ББК 81.411.2-1
Х-20

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского государственного университета

Книга размещена в системе РИНЦ на платформе
научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Рецензенты

Е. А. Бардамова, д-р филол. наук

Л. Б. Бадмаева, д-р филол. наук

В. М. Егодурова, д-р филол. наук

Харанутова Д. Ш.

X-20 Регионализмы забайкальского региолекта: лексико-семантический и словообразовательный аспекты: монография / Д. Ш. Харанутова, Т. В. Мархеева. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2019. — 144 с.

ISBN 978-5-9793-1433-4

DOI 10.18101/978-5-9793-1433-4-2019-1-144

Монография посвящена проблемам региональной лингвистики и является продолжением работ по описанию региональных особенностей забайкальского региолекта. Основное внимание уделено описаниям, пополняющим две группы регионализмов забайкальского региолекта, в основе образования которых лежат этнокультурные процессы. Деривационные возможности регионализмов рассмотрены на примере нескольких небольших словообразовательных гнезд.

Для лингвистов-исследователей, филологов, студентов и аспирантов гуманитарного цикла.

Kharanutova D. Sh.

Regionalisms of the Transbaikal region: The lexical-semantic and word-formation aspects: a monograph / D. Sh. Kharanutova, T. V. Markheeva. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2019. — 144 p.

ISBN 978-5-9793-1433-4

The monograph is devoted to the problems of regional linguistics and is a continuation of the work on the description of regional features of the Transbaikal region. The main attention is paid to the descriptions of regionalisms, which replenish the two groups of regionalisms of the Transbaikal region, which are based on ethnocultural processes. The derivational possibilities of regionalisms are considered on the example of several small word-building nests.

The book is intended for linguists, researchers, philologists, ungraduate and postgraduate students of the humanities departments.

УДК 811.161.1'347
ББК 81.411.2-1

ISBN 978-5-9793-1433-4

© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2019

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1. Региолекты и регионализмы: лексико-семантический аспект	
1.1 Региолекты и регионализмы: к определению понятий.....	7
1.2 Регионализмы как результат контактирования языков.....	13
Глава 2. Особенности образования этнохоронимов-регионализмов (на примере названий жителей населенных пунктов Бурятии).....	29
2.1 Этнохоронимы в лингвистике: история изучения вопроса и лексикографическое описание	30
2.2 Ойконимы как производящее для этнохоронимов.....	33
2.3 Основные способы образования этнохоронимов Бурятии	37
2.4 Трудности, возникающие при образовании этнохоронимов.....	46
Глава 3. Особенности образования оттопонимических прилагательных Республики Бурятия	50
3.1 Оттопонимические прилагательные в лингвистике: краткая история изучения вопроса	50
3.2 Основные способы образования оттопонимических прилагательных	53
3.3 Ойконимы РБ как производящее для оттопонимических прилагательных	57
3.4 Особенности образования оттопонимических прилагательных, образованных от ойконимов Республики Бурятия	62
Глава 4. Эргонимия забайкальского региолекта (на материале эргонимов г. Улан-Удэ)	68
4.1 Имена собственные как объект исследования	68
4.1.1 Эргонимы как часть апеллятивной лексики	72
4.2 Эргонимы г. Улан-Удэ: общая характеристика.....	75
4.3 Эргонимы Улан-Удэ: функциональный аспект.....	90
4.4 Эргонимы Улан-Удэ: лингвомаркетинговый аспект	95
4.5 Эргонимы Улан-Удэ в региональном освещении	98

Заключение.....	106
Литература.....	111
Приложения	
Приложение 1	120
Приложение 2	129
Приложение 3	137
Приложение 4	141

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа посвящена проблемам региональной лингвистики и является продолжением работ по описанию региональных особенностей забайкальского региолекта.

Региональные языки — неотъемлемая часть языковой картины современного многоязыкового общества. В этой связи представляется целесообразным изучить словообразовательные и семантические особенности регионализмов.

Исследования русской речи нашего региона позволяют выявить ее самобытность, ее специфику по сравнению с русской литературной речью и с русской речью других регионов. Во многом специфика регионального варианта русского языка Забайкалья обусловлена многонациональностью и многоязычием региона. Географические границы функционирования забайкальского региолекта нами условно очерчивается территорией Республики Бурятия.

Анализ собранного материала показывает, что появление регионализмов неизбежно в полиэтническом регионе, каковым является республика Бурятия, где русско-бурятское соседство насчитывает три с лишним столетия. Особое внимание в работе уделено регионализмам, в основе образования которых лежат этнокультурные процессы, сюда относятся и освоенные русским языком лексемы из бурятского, и собственно русские слова. В работе подчеркивается, что доминирующий в регионе русский язык обогащается не только за счет заимствования слов из бурятского языка, но и старается обходиться своими силами: рождение некоторых регионализмов связано с появлением новых значений у русских лексем.

Семантические процессы в пределах полисемии (как в производных, так и непроизводных словах) активно исследовались

в конце XX столетия. Естественно, данная проблема является одной из ведущих в современном словообразовании, в частности, на уровне региональной лингвистики. В монографии рассматривается семантическая деривация, вскрывается алгоритм метонимического переноса, строящийся на этнокультурной связанности заимствуемых лексем. Пристальное внимание уделяется различиям в семантике словообразовательных возможностей заимствованных слов в языке-доноре и языке-реципиенте.

В своей работе мы придерживаемся мнения, что региолект — региональный вариант общенародного языка.

Монография представляет собой обобщение недавно начатой работы по исследованию регионального варианта русского языка Забайкалья. Работа находится на начальной стадии, сделаны первые выводы. Предисловие, I, II, III главы написаны Харанутовой Д. Ш., IV–Мархеевой Т.В., заключение — Харанутовой Д. Ш. и Мархеевой Т. В.

Авторы приносят благодарность выпускникам ИФИЯиМК И. Н. Колбиной (2015–2018) и М. П. Петровой (2009–2016) за помощь в сборе материалов.

ГЛАВА 1

РЕГИОЛЕКТЫ И РЕГИОНАЛИЗМЫ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

1.1 Региолект и регионализм: к определению понятий

Изучение региональных особенностей языка и речи — достаточно популярное направление современной русистики, являющееся следствием повысившейся ролью разговорной речи в речевой коммуникации (А. С. Герд, В. И. Трубинский, В. И. Беликов, А. П. Майоров, Е. М. Оглезнева и др.). Несмотря на то, что это научное направление оформилось к концу 70-х годов XX века, в его рамках до сих пор идут терминологические споры, в частности, вокруг центральных понятий «региолект» и «регионализм».

Традиционно *региолект* понимается как особая форма устной речи, ограниченная определенной территорией своего функционирования [Герд 2005, с. 22]. На сегодняшний день можно констатировать, что понятие *региолект* расширилось, под ним понимается базовая территориальная разновидность национального языка, оно синонимично понятию *региональный вариант национального языка*, в нашем случае региональный вариант русского языка Забайкалья.

Объектом нашего исследования является забайкальский региолект — русский язык, функционирующий на территории Республики Бурятия.

Региональный русский язык «не является ни говором с определенной структурой, ни однородной языковой системой, так как известно, что в ней преобладает общенациональная форма языка, измененная под действием местных говоров. Он является более

варьированным и индивидуализированным, чем эти последние, так как говорящий на региональной форме языка отражает не-стабильность языковой структуры» [О. Блок, цит. по: Бородина, 1982, с. 30].

Права исследователи донецкого региолекта, утверждающие, что региолект — это «не какая-то разновидность речи, не какой-то отдельный идиом, имеющий своих носителей, а определенная регионально маркированная организация всего языкового пространства региона» [Теркулов, 2018, с. 17]. Стоит согласиться с их мнением, что региолект — это целостная языковая система, включающая в себя как регионально маркированные, так и общезыковые элементы. «Уникальность региолектов создается, скорее, не за счет уникальности конкретных языковых фактов, а за счет их «системного калейдоскопа», особой регионально маркированной организации языка» [там же, с. 21].

Елена Александровна Оглезнева отмечает три источника формирования региолектов: «1) городская речь, в том числе литературная, как в центральных, так и в провинциальных городах испытывает влияние окружающих город диалектов; 2) русский язык в разных регионах России обладает спецификой вследствие языковых контактов с представителями народов соседних государств и коренных народов; 3) русский язык в регионах отличается самобытностью вследствие своеобразной реализации словообразовательных и семантических моделей и тем самым демонстрирует богатый потенциал своей системы» [Оглезнева 2013, с. 28].

Таким образом, «региолект — это такое языковое образование, которое призвано обслуживать повседневное общение носителей языка в том или ином регионе полиэтнического языкового сообщества независимо от их социального положения, возраста, пола и т.п.» [Майоров, 2018, с. 15].

Для исследования понятия *региолект* предлагается использовать дихотомические противопоставления «региолект — литературный язык», «региолект — диалект», «региолект — просторечие», «обще-

русские исконные лексические средства общенародного языка — элементы, заимствованные в региолект из «соседних» языков» [Степанова, Бохиева, 2012, с. 140]. В основе дихотомии кладется критерий нормированности.

Следует прислушаться к мнению А. П. Майорова, что дихотомический принцип анализа природы региолекта не дает возможности установления четких границ понятия «региолект» [Майоров, 2018, с. 11]. Безусловно, в данном случае важно не противопоставление, а соотношение этих понятий. Более того, некоторые пары невозможно противопоставлять в силу того, что они являются сменяющими друг друга явлениями, например, *диалект* — *региолект*: «на смену старым крестьянским диалектам приходит не стандартный литературный язык, а особые новые формы разговорно речи. Диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты» [Герд, 2001, с. 23–24]. Таким образом, континуальность признается одной из основных отличительных черт региолекта [Ерофеева 2005, Майоров 2018], и как отмечает, А. П. Майоров, именно эта черта определяет место региолекта в кругу других социальных форм национального языка.

Точка зрения И. И. Срезневского «о необходимости изучения русского языка в пространственной проекции» [цит. по Майоров, 2018, с. 13] развилась в теорию регионального варианта русского языка как локальной разновидности языка какого-либо конкретного региона: *дальневосточный региолект* (Е. А. Оглезнева), *донецкий региолект* (В. И. Теркулов и др.), *пермский региолект* (Л. Грузберг, Т. И. Ерофеева), *восточнозабайкальский региолект* (Т. Ю. Игнатович), *забайкальский региолект* (А. П. Майоров, Д. Ш. Харанутова) и др.

По мнению Н. В. Хорошевой, региональные особенности проявляются на всех языковых уровнях, но «наиболее явно на лексическом и фонетическом, при этом синтаксическая специфика выявляется сложнее, поскольку зачастую с трудом дифференцируется от общеразговорных структур» [Хорошева, 2011, с. 33].

К проблемам забайкальского региолекта (регионального варианта русского языка Забайкалья) обращаются А. П. Майоров,

В. М. Егодурова, Д. Ш. Харанутова и др. [Майоров 2006, 2013, 2016, 2018; Егодурова 2009, 2013, 2018; Харанутова 2016, 2017, 2018]. В лаборатории эколингвистики Бурятского государственного университета ведется работа по сбору текстов устной разговорной речи Бурятии. В 2016 году вышла хрестоматия «Русская разговорная речь Бурятии: тексты в орфографической записи», основным составителем которой является А. П. Майоров [Майоров 2016]. Научное издание представляет собой промежуточный итог работы научного коллектива лаборатории. Следом выходит монография «Русская разговорная речь Бурятии: лингворегионоведческий аспект», где А. П. Майоров дает теоретические выкладки по особенностям забайкальского региолекта, особое внимание уделено исследованию забайкальского региолекта в историческом освещении. В монографии В. М. Егодуровой региональный вариант русского языка, функционирующий в Байкальском регионе, рассматривается как результат контактирования русского и бурятского языков. Кстати, Байкальский регион очерчивается автором как территория употребления русского языка в местах совместного проживания бурят и русских: Бурятия, Иркутская область и Забайкальский край [Егодурова, 2018, с. 5].

На активизацию исследований в области региональной лингвистики Забайкалья указывают состоявшиеся конференции и выход материалов конференций в сборниках с одноименными названиями: «Языковая картина мира Байкальского региона» [2009] — отв. Егодурова В. М., «Региональные варианты национального языка» [2013] — отв. Майоров А. П. Работа по отражению и фиксации постоянно изменяющейся повседневной звучащей русской речи на территории Республики Бурятия продолжается. Создание регионального подкорпуса русской устно-разговорной речи Забайкалья откроет горизонты более широкого, глубокого, последовательного изучения забайкальского региолекта, его особенностей на всех языковых уровнях: фонетическом, лексическом, словообразовательном, грамматическом.

В данный момент изучение регионального варианта русского языка Забайкалья сталкивается с такими проблемами, как вопросы соотношения и разграничения общерусских разговорных и просторечных форм и регионализмов, диалектов и регионализмов, проблема локализации регионализмов и др.

В лингвистической литературе существует ряд терминов, используемых для обозначения региональных лексем: *регионализм*, *локализм*, *провинциализм* (обзор работ см. Резвухина, 2015). Есть ли различия между этими терминами? Анализ литературы позволяет утверждать, что они либо используются как синонимы, либо имеют точки пересечения значений, в какой-то мере даже дополняют друг друга.

На наш взгляд, для более точного обозначения региональных единиц подходит термин *регионализм* (И. С. Зварыкина), имеющий родственные однокоренные связи со словами *региональный*, *региолект*.

Т. А. Кадоло относит к регионализмам «слова, функционирующие на определенной территории, не зафиксированные в толковых словарях литературного языка или получающие в них пометы обл., местн., прост., разг.» [Кадоло, 2011, с. 22]. В этом же ключе, но более уточненное, определение дает И. С. Зварыкина, под понятием «регионализм» понимается единица языка того или иного региона, которая, в отличие от диалектного слова, используется жителями вне зависимости от различных социальных факторов (пол, возраст, образование и т. п.) преимущественно в устной коммуникации, но также функционирует в текстах художественной литературы, региональных СМИ» [Зварыкина, 2014, с. 214].

Не утихают споры и по поводу внелитературности регионализмов. Понятно, что они являются частью устной разговорной речи. Но последние исследования показывают, что регионализмы — это не только прерогатива устной разговорной речи [Климкова, 1994, Зварыкина, 2014, Кадоло, 2014, Майоров, 2018 и др.]. В основе уникальности и самобытности языка любого региона немаловажную роль играет возрастание роли разговорной речи в речевой ком-

муникации, которая проявляется «в коллоквиализации публичных сфер общения — языка средств массовой коммуникации, политического дискурса, рекламных текстов, языка художественной литературы; в расширении сферы ее функционирования — употребление средств разговорной речи в интернет-общении и пр.» [Майоров, 2018, с. 9].

Интересна точка зрения Л. А. Климковой, которая считает, что понятие регионализм намного шире понятия *диалектизм* и охватывает «все языковые единицы, имеющие пространственно ограниченную сферу функционирования...» [Климкова, 1994, с. 52]. По мнению Л. А. Климковой, к регионализмам можно отнести и этнографизмы, лексику тайного (условного) языка, региональные наименования некоторых реалий (типа детских игр, кушаний и др.), а также «так называемые частотные диалектизмы». Нам представляется важным отметить последовательное отнесение Л. А. Климковой к числу регионализмов имен собственных, в частности, эргонимов (названия различных учреждений и предприятий) [Климкова, 1994, с. 53].

А. П. Майоровым предлагается классификация лексических разрядов региолекта [*лодр.* Майоров, 2018, с. 17–18]. В нашей работе речь пойдет о регионализмах, выделенных по деннотативной соотнесенности (III), а именно: группы 3.1. «заимствованные этнографизмы», 3.2. ономастическая лексика.

Думаем, необходимо в эту классификацию ввести этнохоронимы и оттопонимические прилагательные, так как они тоже относятся к регионально маркированным лексемам.

Считаем, что этнохоронимы (названия лиц, проживающих в определенной местности или населенном пункте) и оттопонимические (отойконимические) прилагательные, образованные, как и этнохоронимы от ойконимов (названия населенных пунктов), также отражают региональные особенности языка (в нашем случае, республики Бурятия). На наш взгляд, эти наименования составляют значительный пласт лексических регионализмов и являются неотъемлемой частью регионального словаря забайкальского региолекта.

Созданный круг слов, который мы относим к регионализмам, не претендуя на полноту описания, носит открытый характер с диффузными границами, может быть дополнен и уточнен. Вместе с тем расширенное понимание регионализмов позволяет прийти к определенным выводам, таким, как «региональные явления пронизывают каждый пласт указанной лексики, они есть и в литературном языке (тогда это местные варианты литературного языка), и в жаргоне, и в просторечии», в связи с чем, невозможно выявить регионализмы в «чистом виде» [Майоров, 2018, с. 17].

1.2. РЕГИОнализмы как результат контактирования языков

Е. А. Оглезнева отмечает, что региональные варианты национального языка сохраняют следы взаимодействия литературного языка, с одной стороны, с формами живой народно-разговорной речи (диалектными, региолектными), с другой стороны, с языками коренного населения, что и наблюдается в нашем полиэтническом регионе.

Какими путями появляются регионализмы в забайкальском региолекте? Безусловно, одним из путей появления регионализмов является заимствование слов.

В последние годы активизировалось изучение национальной культурной специфики функционирования языков в полиэтническом регионе, каковым является наш забайкальский регион, где сложился «уникальный комплекс буддийских, шаманских, христианских... и прочих традиций, своеобразие которого на российском, евразийском пространстве определяется решающим значением буддийской культуры» [Бураева].

Безусловно, длительное совместное проживание народов не может обойтись без взаимопроникновения языков и культур. По мнению Е. В. Терентьевой, «если государственное строительство основывается на территориальных, а не национальных принципах, то именно в регионах происходит интенсивный обмен культурными,

языковыми и иными ценностями и формируется специфический лингвокультурный «ландшафт» [Терентьева 2013, с. 185].

Соседствующие языки и культура неизбежно вступают в диалог и образуют некое единство с неравными долями в функционировании, подразумевающие доминирование одного из языков. Забайкальский регион — не исключение, региональный ландшафт также характеризуется неравномерностью «покрытия»: доминирующий русский язык оказывает огромное влияние на бурятский язык и старается обойтись собственными ресурсами. Что касается заимствований из русского языка, то, наверное, уже можно говорить не просто о заимствовании, а об интеграции русизмов (*подр.* Харанутова 2012, с. 215–224). Тем не менее, следует отметить, что процесс заимствования ни в коей мере нельзя считать односторонним, бурятский язык и бурятская культура, относящиеся к меньшинству, так же работают донорами. История трехвекового русско-бурятского соседства позволила выстроить исключительный механизм этнокультурного сосуществования: у каждой культуры свой путь развития, не отрицающий взаимовлияния. Понятно, что столь длительное соседство не может не сказаться на структуре ценностей, культуре повседневности и укладе жизни бурятского и русского народов, закрепляющихся при помощи стереотипов, норм и правил поведения. В свою очередь, различные изменения в системе стереотипов отражаются в словарном составе обоих языков, в пополнении которого немаловажную роль играют заимствования.

Заимствованные из бурятского языка слова мы также относим к *регионализмам*.

Лексические регионализмы, образованные на базе заимствований из бурятского языка, рассматривались в работах Р.Х. Харташкиной [Харташкина 1977], К.Н. Матвеевой [Матвеева 1985], С.М. Бабушкина [Бабушкин 1998] и др. Традиционно лексические заимствования являлись предметом исследований, проводимых в рамках диалектологических изысканий, соответственно, многие из них зафиксированы в Этимологическом словаре русских диалектов Сибири [Аникин

2000], Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья [СГСЗ 1999], например, *кашарик* `кашарик [кашарик / кашырик], теленок по второму году. То же что и качарик; см. **Бурун** [СГСЗ 1999, с. 196]. В бурятском языке *хашарак* `двухгодовалый телок, двухгодовалый бычок` [БРС 2008, с. 418].

После проникновения в русский язык заимствования из бурятского языка начинают жить полноценной жизнью, о чем свидетельствует их деривационная активность. Например, в словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья лексема *бурун* дается в окружении словарных статей дериватов, образованных от него: *бурунка* `корова, которая телится без отела второй год`, *бурунщик* `работник, ухаживающий за телятами; телятник`, *бурунщица* `женск. к *бурунщик*`, *бурушок* `то же, что и *бурун*` [СГСЗ 1999, с. 63]. Кстати, в словаре нет помет, указывающих из какого языка, пришли слова *бурун*, *кашарик* и др.

По мнению А. П. Майорова, заимствования из бурятского языка не являются экзотизмами, они прочно вошли в речевой обиход носителя русского языка Забайкалья [Майоров 2006, с. 32], на сегодняшний день они полноправные члены лексической системы забайкальского региолекта.

Заимствование бурятских слов является одной из причин приобретения русским языком Забайкалья региональных особенностей.

Следует признать, что заимствуются, в основном, слова, не имеющие русского эквивалента, называющие культурно-этнографические реалии. Чаще всего заимствуются названия национальных блюд (*буузы*, *урмушка*, *шарбин*, *бухэлер*, *уса*), термины религиозного характера (*дацан*, *лама*, *зурхай*), слова, обозначающие предметы и явления (*малахай*), сельскохозяйственные термины, топонимы (*Челутай*, *Харгана*), термины родства, междометия и др.

Заимствованию подвергаются также бурятские слова, обозначающие забытые реалии. Возрождение обычаев и традиций бурятского народа не только вдохнуло новую жизнь некоторым бурятским словам, но и спровоцировало их заимствование русским языком. Желание

обозначить данную реалию лежит в основе второго рождения слов в языке-доноре, в нашем случае это бурятский язык, и заимствовании этого слова языком-реципиентом, каковым является русский язык. Заимствование этих слов языком-реципиентом сопровождается в некоторых случаях и заимствованием обычаев, которые становятся частью культуры принимающего народа.

Яркой иллюстрацией возрождения слов, связанного с возвращением забытых обрядов, может служить активизация некогда забытого бурятского слова *милан* (*милангууд*). Высокая детская смертность в прошлом заставляла наших предков создавать систему детской обрядности, связанную с сохранением жизни ребенка. При достижении ребенком годичного возраста совершался обряд *милангууд* — прием в члены родового коллектива нового человека. Затем *милан* превратился в `день рождения, который справляли только один раз, когда ребенку исполнялся год` (БРС 2006, с. 550). Сейчас же родители пышно отмечают празднование первого года рождения ребенка — *милан*. Слово *милан* заимствовано русским языком во втором значении. В русском языке нашего региона это слово не требует перевода, оно прочно вошло в обиходную речь: *Вчера наши друзья справляли милан своей младшей дочери. На милане выступали не только артисты из кукольного театра «Ульгэр», но и из цирка.* На улицах города, на страницах региональных газет, журналов встречается реклама «*Провожу юбилеи, миланы, дни рождения*», не требующая перевода. В некоторых случаях употребляется лексема *миланчик* с суффиксом *-чик*, которая характерна для разговорной речи. Образование лексем *миланчик* не свидетельствует о малом количестве гостей, скорее всего такая форма связана со значением небольшого возраста виновника торжества: *Родители настаивают на миланчике, придется его проводить. На миланчике сына подружки присутствовало свыше двухсот гостей!*

Возвращение в активный запас слов, связанных с воскрешением забытых обычаев и обрядов, часто сопровождается «обрастанием» слова дополнительными значениями в бурятском языке. При заим-

ствовании же бурятские полисеманты утрачивают свою многозначность и функционируют в региональном варианте русского языка Забайкалья в одном значении.

В некоторых случаях русский язык обходится своими силами за счет изменения семного объема слова, призванного обозначить какую-либо реалию.

Таким образом, регионализмы, являющиеся результатом этнокультурного взаимодействия русского и бурятского народов, можно разделить на две условные группы:

К первой группе относятся регионализмы — слова, заимствованные из бурятского языка, вторую (небольшую) группу образуют регионализмы — русские слова-полисеманты. К первой группе относятся заимствованные слова, возвратившиеся в активный оборот в языке — доноре, в нашем случае это бурятский язык, вторую группу регионализмов образуют собственно русские слова, служащие для обозначения какой-то реалии.

Рассмотрим данные процессы на словах, связанных с празднованием нового года по лунному календарю. После получения *Сагаалганом* статуса национального праздника стали восстанавливаться забытые компоненты его празднования, что, конечно же, ведет к возрождению ранее бытовавших стереотипов, которые вдыхают новую жизнь словам и выражениям.

При заимствовании лексических единиц происходит их фонетическое и грамматическое оформление — образуется новая лексическая единица. Например, в бурятском языке функционирует несколько названий праздника Новый год по лунному календарю: *Сагаан нара* `Белый месяц` и *Сагаалган* (или *Цагалган*). В русском языке употребляются оба наименования, в разговорной речи носителей русского языка звучит еще одно название — *Сагаловка*. В данном случае сработала деривационная модель со словообразовательным суффиксом *-овк*, который наравне с суффиксами *-ун* (*болтун*, *хохотун*), *-яг* (*стиляга*, *модняга*) придает словам разговорную окраску, например, *столовка*, *бытовка* и т.д. [Харанутова, 2016].

Встреча *Сагаалгана* — это сложный процесс, поэтапный, он отличается сложной структурой и включает множество элементов. Для живущих в Бурятии значимым является не только сам праздник, но и подготовка к нему. Подготовительный этап ассоциируется с обрядами, посвященными очищению: все плохое, нехорошее, все невзгоды, преследовавшие в уходящем году, должны остаться в старом году. Известно, что большое значение имеет канун праздника *бүтүүнэй* (или *бүтүүгэй*) *үдэшэ`бүдд.* последняя перед белым месяцем ночь (букв. закрытая ночь, т.е. в эту последнюю ночь старого года луны не видно на небе) (БРС, 2006, с. 167), в разговорной речи бурят чаще функционирует *бүтүү үдэр`досл.* закрытый день`. Соответственно, у глагола *бүтүүрхэ`* закрываться, закупориваться; становиться глухим, не иметь выхода (БРС, 2006, с. 167) появилось значение «проводить последний вечер уходящего года», когда накрывается праздничный стол, за которым собирается вся семья. Собственный языковой опыт, наблюдения за речью других носителей русского языка демонстрируют, что именно в этом значении данная лексема функционирует в речи, иногда в вариантах *бутюрговать/ бутурговать: Мы вчера никуда не ходили, дома бутюрговали.* Таким образом, полисемант *бүтүүрхэ* при заимствовании теряет свою многозначность, в русском языке *бутурговать* (*бутурхэ*) функционирует только в значении «проводить последний вечер уходящего года».

Проиллюстрируем данное положение еще на одном примере. В последние годы на праздновании *Сагаалгана* основным действующим лицом является *Сагаан үбгэн`Белый старец*, в русском — *Саган убугун*. Его появление связано с современным представлением о новогоднем празднике, где основным действующим лицом, хозяином праздника является Дед Мороз. Изначально *Сагаан үбгэн* — это «добрый старец — дух-покровитель; почитался во всех монголоязычных регионах как шаманистами, так и буддистами» (БРС 2008, с. 135), при этом в словарной статье указано «рел. *Цаган убугун*».

Сагаан үбгэн — это хранитель жизни и долголетия, плодородия и благоденствия, мудрый покровитель людей и животных. Безус-

ловно, ранее данный образ не был связан с празднованием нового года, теперь же *Сагаан үбгэн* — это хозяин новогоднего праздника по лунному календарю. В русском языке нашего региона данная лексема функционирует только в значении «новогодний персонаж, хозяин новогоднего праздника по лунному календарю — Сагаалгана», или, как окрестили его журналисты, бурятский Дедушка Мороз. Кстати, рядом с *Сагаан Убугуном* недолгое время работала *Басагашка*, его внучка (*басаган* `дочь; девочка, девушка, невеста`). Этот новогодний персонаж появился благодаря стереотипному представлению о хозяйках новогоднего праздника: Дед Мороз приходит на празднование с внучкой Снегурочкой. Рекламный трюк не удался, Басагашка исчезла с арены, но носителям русского языка теперь известно значение заимствованного слова *басагашка*.

Эту группу можно дополнить такими регионализмами, как *дабан/даван* `перевал`, *духарян* `ритуальный обычай` и др.

Дабан (в русском *дабан, даван*) `1) горный перевал; 2) прямое и перен. препятствие` [БРС 2006, с. 247]. В региональном варианте русского языка лексема *даван* функционирует в значении «перевал, где необходимо сделать подношение хозяину местности». Этот обычай соблюдается в Бурятии, поэтому слово *даван* используется в речи без перевода: *Мы поехали, подождем вас на даване. В пути два давана, поэтому приедем часа через четыре*. Большой популярностью среди носителей русского языка пользуется поговорка «*У нас в Бурятии все реки — аршаны, все горы — даваны*».

Духарян — ритуальный обычай, соблюдаемый бурятами во время приема гостей: гуляющие, испробовав из рюмки водки (или тарасуна), с добрыми пожеланиями подают ее другим. Лексеме *духарян* также можно отнести к регионализмам, так как употребляется в речи носителей нашего региона без перевода: *Не успели начать торжество, как пошли духаряны*.

Вторая группа регионализмов малочисленна, но судьба этих слов является иллюстрацией того, как этнокультурное взаимодействие ведет к обогащению русского слова новыми значениями. Возвращаясь

к регионализмам, связанным с празднованием нового года по лунному календарю, нельзя обойти прилагательное *белый*, благодаря которому образовано одно из официальных названий этого праздника *Белый месяц*. *Белый месяц* является лексико-словообразовательной калькой бурятской лексемы *Сагаан хара* `первый месяц года (по монгольскому летоисчислению; первый весенний месяц)` [БРС, 2008, с. 134], где *сагаан* `белый`, *хара* `месяц`.

Такой же механизм действует и в случае с калькой *Белая пицца*, которая точно повторяет значение *сагаан эдеэн* `белая, молочная пицца`, где *сагаан* `белая`, *эдеэн* `пицца`. Бурятская лексема *сагаан эдеэн* `белая, молочная пицца` ранее означала только молочные блюда: *творог, молочные пенки, сметану* и др. Теперь же *сагаан эдеэн* — название блюда, которое обязательно готовят на новогодний стол, туда входят не только молочные блюда, но и конфеты, и мучные изделия (печенья, булочки) и прочее. Таким образом, в данном случае семная цепочка многозначного слова *сагаан* (одного из самых богатых сем бурятского полисеманта) расширилась за счет семы «новогоднее, праздничное». Калька с прилагательного *сагаан* функционирует в составе регионализма забайкальского региолекта именно в этом значении. В примерах типа *Нас угощали белой пиццей* прилагательное *белый* реализуется в значении «молочный» (*Нас угощали молочными продуктами*), а в примере *Я не успела украсить тарелку с белой пиццей* значение прилагательного *белый* — «праздничный» (*Я не успела украсить праздничную тарелку*).

Приведем еще один новогодний пример, возвращение обряда *Дугжууба* привело к образованию многозначности в слове *костер*.

За день до начала нового года по лунному календарю проводится обряд *Дугжууба* `предновогодний обряд «гүрэм»`, сопровождаемый церемонией сожжения «сора» (обряда очищения огнем). Обряд собирает не только верующих-буддистов, но и всех желающих встретить наступающий новый год по лунному календарю, избавившись от прежних грехов, несчастий, болезней. Церемония сожжения сора в русском языке получила наименование *костер*. Предложения *Когда*

в этом году будет костер? Во сколько будет костер? В каких местах будут проводить костер? никого не удивляют, все живущие в нашем регионе знают, в каком значении употребляется лексема *костер*. Таким образом, в семной цепочке лексемы *костер* `горящие дрова, сучья, хворост, сложенные в кучу` [ТСРЯ, 2010, с. 300] в результате этнокультурных связей на основе метонимического переноса появилось еще одно значение — «предновогодний обряд очищения огнем». И в этом значении полисемант *костер* употребляется в русской разговорной речи нашего региона.

Эту же группу можно пополнить лексемами *флажок*, *брызгать*, *капать* и др.

Регионализм *флажок* связан с буддийским обычаем развешивать *хию морин* `символический (воздушный) конь`. *Хию морин* «показывает состояние благополучия человека. С точки зрения буддистов, воодружение *хию морин* — это не только благодеяние, но и магический обряд» [БРС 2008: 559]. В дни *сагаалгана* или в некоторых сложных периодах жизни ламы рекомендуют вешать в специально отведенных местах *хию морин*, носители русского языка часто называют его *флажком*. В семной цепочке лексемы *флажок* `1. Маленький флаг, служащий для сигнализации, для расцветивания. *Сигнальный ф.* 2. Кусочек бумаги в виде флага, прикрепленный к булавке, к тонкому стержню, на длинную нить *Ф. на карте. Елочные флажки* (гирлянда). // прил. флажковый, -ая, -ое. Флажковая сигнализация` [Ожегов, Шведова 2010, с. 856] в результате метонимического переноса появилось значение — «повязанный символический флажок, показывающий состояние благополучия человека». И в этом значении полисемант *флажок* употребляется в русской разговорной речи нашего региона: *В этом году в каких местах можно развешивать флажки? В прошлом году я ездила развешивать флажки на Лысую гору (дацан на Лысой горе).*

Существующая традиция *сэржэм үргэхэ* `подносить сэржэм (водку, спирт, молоко, чай) брызганьем` [БРС 2008, с. 349] изменила семную цепочку глагола *брызгать*, который имел значение `1. Разбрасывать брызги, рассеиваться брызгами (каплями) 2. на кого-что

и что. Кропить, опрыскивать. Б. на кого-н. водой` [ТСРЯ 2010, с. 61]. В забайкальском региолекте глагол *брызгать* употребляется в значении «подносить сэржэм» где сэржэм `1. будд. тиб. «сэржэм» (общее название некоторых жидкостей — водка, спирт, молоко, чай, к-рыми совершалось подношение для задабривания духов; 2. водка` [БРС 2008, с. 210]. Например, *На барисане побрызгали молоком. Перед поездкой мы немного побрызгали водкой.* Следует отметить, что употребление глагола *брызгать* в этом значении без уточняющего слова (чем?) имеет значение, что брызгают именно водкой: *Перед поездкой мы немного побрызгали. Получил новую должность, надо побрызгать.* Кстати, полисемант *брызгать* имеет деривационное развитие в этом значении, у него имеется производное — *брызгание` обряд поклонения духам, хозяину местности`, дериватором является суффикс — ниі.*

Глаголу *брызгать* близок по значению полисемант *капать*. Механизм образования данного полисеманта тот же, что и у глагола *брызгать*, но семантика отличается. *Капать* функционирует в значении «совершить обряд поклонения духам, хозяину местности на малой Родине». У полисеманта *капать* имеется дериват *капание` обряд поклонения духам, хозяину местности на малой Родине`. Безусловно, обряд «капание» совершается бурятами, но смысл слова понятен носителям русского языка нашего региона: Мы недавно съездили в деревню, покапали. Прошлым летом всю родню собирали на капанье. Дериваты *капание, брызганье* иллюстрируют словообразовательную активность регионализмов второй группы, что свидетельствует о жизнеспособности образованных полисемантов.*

Деривационной активностью обладают и заимствованные из бурятского языка слова (регионализмы первой группы). Ведь одним из важных показателей жививания заимствованного слова является его умение стать производящим. Небольшие по объему гнезда служат иллюстрацией адаптации регионализмов.

Рассмотрим деривационные возможности регионализмов на примере дериватов словообразовательного гнезда с вершинами

сагаловка, *Сагалган* / *Сагаалган* (в последнее время *Сагаалган* орфографически в русском языке оформляется с бурятскими долгими –*aa*).

В дни новогодних праздников частотно употребление глаголов *сагалить*, *сагаловать* в значении «праздновать сагаалган» и «поздравлять с новогодним праздником по лунному календарю». В бурятском языке с этими же значениями функционирует глагол *сагаалха*, в словарной статье которого помимо значения «праздновать сагаалган» указано еще одно значение — «освящать» с пометой «устаревшее, шаманское» [БРС, 2006, с. 134]. В семном объеме бурятского полисеманта *сагаалха* существует приобретенное значение, которое, наверное, можно сформулировать следующим образом — «поздравлять с новогодним праздником по лунному календарю». Мы не склонны считать, что бурятское слово *сагаалха* выступает производящим для *сагалить*, но, бесспорно, что *сагалить*, в свою очередь, является русским аналогом бурятского слова *сагаалха*. Думается, что оно образовано от разговорного *сагаловка* при помощи суффикса –*и*: *сагаловка* → *сагалить* (при усечении разговорного суффикса –*овк*), тем более, что по такой же деривационной модели образован глагол *сагаловать*, который смело можно назвать дублером глагола *сагалить*. Ранее мы высказывали несколько другую версию, что *сагалить* образовано от *сагаалган* [Харанутова, 2017]. Такое решение было спровоцировано частотным употреблением глагола в орфографической записи *сагаалить* в многочисленных публикациях о *Сагаалгане*. Думается, в сохранение бурятского долгого –*aa* в *Сагаалгане* повлекло и написание глагола *сагаалить*.

Регионализмы *сагалить* и *сагаловать* функционируют в забайкальском региолекте в значении «1. праздновать *сагаалган*; 2. поздравлять с новогодним праздником по лунному календарю». Примеры употребления *сагалить* и *сагаловать* в 1 значении «праздновать сагаалган»: *Мы вчера сагалили/сагаловали. Тяжело сагалить/сагаловать целый месяц*. Приведем примеры в значении «поздравлять с новогодним праздником по лунному календарю»: *Мы вчера*

сагалили / сагаловали дядю с тетей. В этом году обязательно поедем *сагалить / сагаловать* всех родственников в деревне.

Регионализм *сагаловка* образовал свое небольшое словообразовательное гнездо, и одним из дериватов гнезда является прилагательное *сагаловский* `имеющий отношение к *сагаалгану*`: *Я еще не покупала сагаловские подарки*. Между тем, мы можем употребить и прилагательное *сагаалганский*: *Я еще не покупала сагаалганские подарки*. Значение предложения не изменится. Таким образом, прилагательные *сагаловский* и *сагаалганский* имеют одно и то же значение «имеющий отношение к *сагаалгану*». Тождественность значения не означает одинаковый механизм образования слов, в данном случае дублиеты *сагаалганский / сагаловский* и *сагалили / сагаловали* имеют в словообразовательном акте разные производящие, подтверждением этому служит и функционирование этих регионализмов: в СМИ употребительны дериваты заимствованного *сагаалган*, дериваты разговорного *сагаловка* встречаются только в устной речи.

Например, «Сагаалганская пища — это, прежде всего, ритуальная пища, ей придавалось магическое значение, как способной содействовать процветанию и долголетию людей, богатому урожаю и приплоду скота» [Сайт НБ РБ, 09.02.2017]. Или же «Сагаалганский приветственный жест «золголго» выражает идею преемственности поколений: младший протягивал руки ладонями вверх, выражая готовность воспринять от старшего его опыт, знания и мастерство, а старший на протянутые к нему руки возлагал свои, ладонями вниз» [там же].

При рождении слов регионализмы могут испытывать и всевозможные семантические трансформации, например регионализм *ехорить*, образованный от заимствованного *ёхор* `бурятский национальный танец`, чаще используется в разговорной речи не в первом значении «танцевать», а в значении «шумно праздновать, гулять с песнями, танцами» и т.д. Предложение *Мы вчера всю ночь ехорили* имеет смысл «вчера мы всю ночь шумно отмечали праздник (или какое-либо событие)». Новое значение у регионализма-полисеманта

ехорить появилось на основе метонимического переноса, и за этим словом, безусловно, стоит не образ бурятского танца *ехор*, а русского танца с песнями, плясками, частушками.

В разговорной речи частотно употребление однокоренных слов *архи* «алкогольный напиток», *архидачить* «Негатив. Пьянствовать вместе со знакомыми, соседями, переходя из одного дома в другой» [Дарбанова 1998, с. 143], *архидашин* (*архидачин*). Вне сомнения, все слова однокоренные, вопросы возникают по поводу деривационных отношений между ними. Существуют ли прямые мотивационные связи у регионализма *архидачить* с лексемой *архи* `водка`? Положительный ответ предполагает, что *архидачить* образован при помощи интерфикса *-дач-* и глагольного суффикса *-и-*. А может в данном случае сработала другая модель: производящим для *архидачить* является бурятский глагол *архидаха* `пьянствовать, выпивать, употреблять спиртные напитки` [БРС 2006, с. 82], в этом случае дериватором является интерфикс *-ч* с суффиксом *-и* [Харанутова, 2018, с. 117]. Интересная ситуация и с *архидашин* (*архидачин*): то ли *архидашин* — это фонетически дооформленное на русский манер *архидаашан* `гуляки, кутилы` [БРС 2006, с. 82], то ли это производное от бурятского глагола *архидаха* `пьянствовать, выпивать, употреблять спиртные напитки`. В русском языке нашего региона *архидашин* (*архидачин*) употребляется в значении «гулянка, вечеринка с распитием спиртных напитков». *Вчера у соседей был архидашин. У нас вчера намечался архидашин, но отменился.*

Что касается словообразовательных аффиксов, участвующих в образовании регионализмов, то нельзя не выделить активность суффикса *-и-*, выполняющий в русском языке основообразующую (*вер-и-ть, пил-и-ть*) и словообразующую функции (*крахмал* → *крахмал-и-ть, белый* → *бел-и-ть*). В региональном словообразовании он выполняет словообразующую функцию и легко образует от заимствованных бурятских слов глаголы: *ехор* → *ехорить* `1. танцевать; 2. шумно праздновать, гулять с песнями, танцами`. Такой же механизм действует в примере *зурхай* → *зурхачить* `составлять астрологический

прогноз; 2. узнавать составленный астрологический прогноз: *Мы ездили на Верхнюю Березовку к ламе зурхачить уже после Сагаловки. Я боюсь зурхачить, вдруг что-нибудь страшное скажут.*

В. М. Егодурова приводит пример образования региональной лексемы — глагола *худларить* `обманывать, хитрить`, образованного при помощи суффикса *-и* [Егодурова, 2018, с. 32]. По ее мнению, производящим для данного глагола является бурятское наречие *худалаар* `ложно, фальшиво, притворно` [БРС, 2008, с. 461]. Думаем, с этой версией стоит согласиться, так как из дериватов бурятского словообразовательного гнезда с вершиной *худал* `неправда, ложь, вранье, враки *разг.*` наиболее употребительным в бурятском языке после исходного слова является наречие *худлаар*, судя по результатам Бурятского корпуса: *худал* [БК, 598 вхождений, 98 док-в.] *худлаар* [БК, 307 вхождений, 67 док-в.]. Активная лексема с такой коннотацией, несомненно, при тесном контактировании языков должна была заимствоваться.

Особо хотелось бы выделить проблему образования многозначных слов. Способ образования полисемантов (многозначных слов) неоднозначно трактуется лингвистами. Более традиционный взгляд — этот способ называют семантической деривацией (семантизацией). Вряд ли можно признать самостоятельность этого способа в сфере словообразования. Совершенно оправданно В. Н. Немченко отмечает, что между значениями полисеманта нет словообразовательных отношений [Немченко 1994: 256].

Действительно, не лексический смысл является производным для готовой оболочки (ведь в результате словообразовательной семантизации возникает омоним, а не лексико-семантический вариант), наоборот, для объективации этого смысла подбирается и используется готовая оболочка [Торопцев 1980: 105–106]. Получившееся слово оказывается немотивированным внутрисистемными единицами, то есть в подобных случаях, видимо, наблюдается креация.

Под креацией в литературе понимается «изобретение произвольного немотивированного знака» [Журавлев 1982: 105]; ср.

[Изотов 1998: 55; Намитокова 1989: 19; Торопцев 1980: 112]. То есть в словообразовании способ креации — это способ словообразовательной семантизации, когда готовая оболочка используется для образования другого слова (омонима) с другим значением. Все слова, не мотивированные другими словами данного языка на данном этапе развития, можно квалифицировать как дериваты, образованные способом креации.

Таким образом, семантизация может приводить только к образованию новых значений (лексико-семантических вариантов) того же самого слова и действует в сфере лексики, а не дериватологии; омонимы (в синхроническом аспекте) образуются при помощи креации. Вряд ли это полисеманты, все же это новые слова, образованные способом креации.

Итак, к основным способам образования регионализмов, входящих в 3 разряд забайкальского региолекта (по классификации А. П. Майорова), относятся:

1. Аффиксальный способ — суффиксация. Одним из самых активных в образовании регионализмов являются:

а) суффикс **-и-** *ехор* → *ехор-и-ть*, *сагаалган* → *сагаал-и-ть*, *зурхай* → *зурха/ч/-и-ть* (интерфикс **-ч**) и т.д.

— суффикс **-ова**: *сагаловать*;

— суффикс **нича** (по Земской Е. А. поработал морфонологический процесс переразложения, ранее два суффикса **-нич-** и **-а-**). Например, *сагаловка* → *сагальничать* (по образцу *школьник* — *школьничать*, *озорник* — *озорничать*).

б) при образовании существительных разговорный суффикс — **овк**: *Сагалгаан* → *сагаловка*.

2. Операционный способ — креация: *Сагаан Убугун*, *милан* и др.

Итак, «обрастание» русских слов новыми значениями и заимствование слов из бурятского языка — результат тесного контактирования соседствующих народов. Появление новых реалий, возрождение «канувших в лету» обычаев бурятского народа неизменно ведет к заимствованию самих обычаев, которое инициирует появление

регионализмов, полноправных членов регионального варианта русского языка Забайкалья, представляющего собой особую систему «языковых ценностей и связей, отражающих не общерусскую, а «свою», региональную картину мира» [Норман, 2014, с. 283]. Выделенные группы регионализмов иллюстрируют этнокультурное взаимодействие русского и бурятского народов и, безусловно, в лингвокультурном «ландшафте» Забайкалья являются одними из самых ярких пятен.

ГЛАВА 2
**ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ
ЭТНОХОРОНИМОВ-РЕГИОНАЛИЗМОВ**
(НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ ЖИТЕЛЕЙ
НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ БУРЯТИИ)

Одним из употребительных разрядов лексики русского языка являются *этнохоронимы* (катайконимы, патронимы) — названия жителей населенных пунктов. В качестве рабочего нами принимается термин *этнохоронимы*, так как, на наш взгляд, это наименование наиболее точно отражает это понятие: *этнохороним* (от греч. ἔθνος, «народ» + χῶρος, «местность» + ὄνομα, «название, имя»), *этникон* — название жителей определённой местности, соотнесённое с *хоронимом* (топонимом).

Наименования лиц по месту жительства издавна привлекали внимание исследователей. Интерес к проблеме образования этнохоронимов усилился в последнее десятилетие, появились работы, написанные на материале названий жителей отдельных районов и областей нашей страны. Однако ряд вопросов, связанных с образованием и употреблением наименований лиц по месту жительства, остался нерешённым и является дискуссионным.

В связи с тем, что не существует четких правил образования этнохоронимов, имеется масса исключений. Приходится часто обращаться к словарям, чтобы понять, как правильно назвать жителей того или иного города. Имеются несколько словарей этнохоронимов, которые дают материал для дальнейших исследований. К сожалению, Республика Бурятия своего регионального словаря этнохоронимов не имеет.

Мы в своей работе обращаемся к региональному материалу — этнохоронимам Республики Бурятия, который рассматриваем как часть общей системы наименований жителей России и относим к регионализмам забайкальского региолекта.

2.1. Этнохоронимы в лингвистике:

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Системное изучение названий жителей разных городов и сел — одна из актуальных проблем современной региональной лингвистики. К вопросам словообразования и бытования этнохоронимов как на современном, так и на историческом этапе обращались В. А. Горпинич, А. А. Дементьев, М. А. Бабкин, Е. А. Левашов, И. Л. Городецкая, Г. И. Петровичева, Т. А. Гаврилова, И. В. Тихонова, Е. А. Моисеева и др.

К сожалению, вплоть до середины XX века авторы толковых словарей традиционно не включали в словники этнохоронимы и оттопонимическую лексику, в частности, оттопонимические прилагательные, что специально оговаривалось составителями и авторами словарей. Например, Д. Н. Ушаков во вступительной статье к четырехтомному «Толковому словарю русского языка» предупреждает: «Исключены собственные имена (людей, географические и др.), а также названия жителей городов...». В введении к семнадцатитомному «Словарю современного русского литературного языка» читаем: «Названия жителей городов, областей, как общее правило, в словарь не включаются».

Из общего ряда словарей, не впускающих оттопонимическую лексику, выделяется «Орфоэпический словарь русского языка», в который «вопреки сложившейся лексикографической традиции» включены «названия жителей городов... (а также названия жителей по некоторым другим географическим реалиям). Они даются в паре с соответствующими прилагательными» [под ред. Аванесова, 1988, с. 5]. К сожалению, в словаре объем оттопонимической лексики ничтожен, этнохоронимы, образованные от названий менее крупных населенных пунктов, не представлены.

Ситуацию изменил выход «Словаря названий жителей (РСФСР)» под редакцией А. М. Бабкина (М.: Советская энциклопедия, 1964), в него включено около 6000 наименований жителей от 2000 населенных пунктов Российской Федерации. Названия жителей приводятся с ударением, стилистическими пометками, иллюстрациями. Следующий словарь — «Словарь названий жителей СССР» вышел под редакцией А. М. Бабкина и Е. А. Левашова (М.: Русский язык, 1975). В нем помещено около 10 000 названий лиц по месту жительства (по названиям городов, сел, рек, озер, островов и т.п.), дано много иллюстраций из произведений художественной литературы и периодической печати. В приложении к словарю дается большой перечень названий жителей городов зарубежных государств.

В 2003 году вышел словарь-справочник Е. А. Левашова в соавторстве с И. Л. Городецкой «Русские названия жителей», включающий в себя более 14 тысяч этнохоронимов. Примечательно, что словарные статьи снабжены примерами из газет и произведений художественной литературы, пометами: устаревшее (*Киев — киянин, Пермь — пермяч*), местное (*Пинега — Пинжак, Тума — тумак, Чердынь — чердак*), собирательное (*Мордовия — мордва*), жаргонное (*Азербайджан — азеры*) и т.д.

К сожалению, издание вышеназванных лексикографических изданий не решило проблемы нормализации и лексикографической фиксации этнохоронимов. Понятно, что словари в силу ограниченности объема не могут охватить все этнохоронимы, поэтому проблема фиксации названий жителей небольших городов, поселков, деревень остается прерогативой региональных словарей. И, безусловно, открытым остается вопрос нормы: нормы образования, нормы употребления.

Итак, словарей этнохоронимов мало, а в другие словари этнохоронимы практически не попадают, так как названия жителей образуются непосредственно от ойконимов и их обычно относят к ономастической лексике. С другой стороны, их не включают и в топонимические словари, причина кроется в принадлежности этнохоронимов к нарицательным существительным.

Вероятно, наиболее оптимальный путь решения данной проблемы — создание специальных словарей, посвященных географическим названиям и образованным от них словам: этнохоронимам и оттопонимическим прилагательным. Понятно, что в словник региональных словарей образуют действующие этнохоронимы, включая наименование жителей населенных пунктов с разговорно-просторечной окраской.

Словари призваны отразить все формы этнохоронимов, например, современные формы единственного числа мужского и женского рода (*санктпетербуржец, санктпетербурженка*) и форму множественного числа (*санктпетербуржцы*), устаревшие формы (*петербуржец, петербурженка, петербуржцы, ленинградец, ленинградка, ленинградцы*).

Следующий непростой вопрос в словообразовании этнохоронимов, это проблема производящего. В научной литературе существуют две точки зрения относительно словообразовательных отношений между ойконимами и этнохоронимами.

Согласно одной точке зрения, производящим для этнохоронимов являются оттопонимические прилагательные, то есть обязательна словообразовательная цепочка: *топоним* → *оттопонимическое прилагательное* → *этнохороним*. Первым эту точку зрения озвучил А. А. Дементьев: «До сих пор принято считать, что слова типа *американец, норвежец, новгородец* и т.п. образованы от наименования местности: города, страны... Однако это мнение ошибочно... Все эти слова образованы не от основы, означающей наименование местности, а от той основы, от которой образуются прилагательные с суффиксом *-ск (-ьск)*» [Дементьев, 1946, с. 5]. Сторонниками этой точки зрения являются А. Г. Лыков, Г. З. Зенков, Е. А. Левашов и др.

Согласно второй точке зрения, сторонниками которой являются Е. А. Земская, В. П. Даниленко, З. А. Потиха, А. В. Суперанская, В. В. Лопатин и др., производящим для этнохоронимов могут быть непосредственно только топонимы. Как отмечает А. В. Суперанская,

суффикс *-ец* «прибавляется к основе географического названия (или, если это название заимствованное, иногда к основе иностранного прилагательного): *новгородец, ивановец, харьковец, лондонец...* и др.» [Суперанская, 1977, с. 147]. Достаточно аргументированно, сопоставляя факты как в семантическом, так и в формальном плане, отстаивает точку зрения о прямой мотивации этнохоронимов ойконимами Е. А. Земская доказывает, что между топонимом и этнохоронимом существуют прямые мотивационные связи: «нет оснований считать имена лиц производными от основ прилагательных» [Земская, 2006, с. 271].

Вторая точка зрения на сегодняшний день превалирует, современные словообразовательные словари соотносят этнохоронимы непосредственно с названиями населенных пунктов.

2.2. Ойконимы как производящее для этнохоронимов

Производящими основами для этнохоронимов являются, прежде всего, ойконимы — названия городов, поселков, сел. Имена собственные, в частности ойконимы, активно участвуют в современном словопроизводстве. И хотя в лексическом составе русского языка много слов, от которых образуются этнохоронимы, но в качестве производящих данные слова не подвергались анализу.

Ойконимия (термин *ойконим* восходит к греческому *oikos* «жилище»), под которой понимается совокупность названий населенных пунктов определенной территории, представляет особый интерес для научного изучения. В ней отражаются важнейшие этапы истории материальной и духовной культуры создавшего ее народа и проявляются языковые закономерности, в связи с чем, ойконимия представляет интерес для исследования как историко-географический материал и как лингвистический источник [Суперанская, 1984:18].

Преимущественно от ойконимов образуются прилагательные со значением отношения (*кяхтинский, баргузинский, джидинский*) и существительные со значением лица по месту жительства (*кях-*

тинец, баргузинец, джидинец). Таким образом, этнохоронимы — это ойконимические дериваты.

В языке их существует большое количество. Одни из них известны всем или многим, другие — только местному населению. Их можно встретить в художественных произведениях, в устной речи и в периодической печати.

Большая часть этнохоронимов образуется от ойконима (названия населенного пункта): *Улан-Удэ — уланудинец, Кяхта — кяхтинец, Баянгол — баянголец*. Известность, распространенность того или иного этнохоронима определяется прежде всего известностью, значимостью соответствующего названия географического объекта. Эта зависимость от ойконимов, имеющих в большинстве случаев ограниченную территорию употребления, ведет к тому, что этнохоронимы, за редким исключением, также территориально ограничены [Мельхеев, 1969:14].

Географические названия возникли и развились исторически. Формирование их тесно связано с историей общественного и экономического развития края, поэтому корни многих названий уходят в глубокую древность. Рассмотрим историю формирования ойконимов Бурятии.

На территории Бурятии и смежных с нею областей на протяжении многих веков менялись исторические условия, происходили сложные общественные процессы — передвижение и смешение разных народов и племен, обладавших различной языковой культурой. В этом длительном водовороте общественных событий и скрещивании языков происходило формирование ойконимии края [Мельхеев, 1969: 14]. При этом, как пишет М. Н. Мельхеев, каждая появившаяся народность, усваивая и сохраняя прежние географические названия на языке своих предшественников, в то же время вносила в ойконимию края новое на своем языке, изменяла и модифицировала структуру прежней ойконимии.

Далее М. Н. Мельхеев замечает, что в результате длительного исторического процесса на территории нашей республики обра-

зовалась сложная ойконимия в виде наслоения географических названий различного языкового происхождения: палеоазиатского, эвенкийского, самодийского, тюркского, монгольского, бурятского и русского [Мельхеев, 1969:15].

Названия, возникшие ранее на языке одних народов, в результате адаптации (приспособления), народной этимологизации их другим народом, приобретают совершенно иной смысл, и по-другому истолковывается их происхождение. Например, названия, бурятские по происхождению, такие как *Иркут*, *Тунка*, *Ока*, *Ия*, *Селенга*, *Уда*, *Курба*, *Чикой*, *Хилок* и др., являются бурятскими только по употреблению, а произошли из самодийских, тунгусских и тюркских языков.

Изменение структуры ойконимии той или иной местности вполне закономерно и неизбежно. Любой народ, в силу исторических судеб попавший на новую территорию и осваивающий ее, будет изменять структуру ойконимии коренным образом или частично. Эти изменения могут протекать в следующих направлениях.

1) *Полное искоренение аборигенной ойконимии*. Такое явление в нашем регионе не наблюдается.

2) *Полное сохранение основы существовавшей ойконимии и образование нового пласта на языке пришельцев*. Такое явление имело место, например, в Сибири в XVII в., когда Сибирь была присоединена к России и вся существовавшая здесь ойконимия, особенно оро-, гидро- и этнонимия, была узаконена русскими документальными записями. Позже возник новый русский ойконимический пласт.

3) *Приспособление иноязычных ойконимов к языку пришельцев*. Это достигается путем переделки или добавления суффиксов и окончаний к основе иноязычных ойконимов, заменой некоторых звуков и изменением фонетических оттенков в соответствии со словообразовательными законами языка пришельцев. Этим достигается удобопроизносимая форма ойконима и переосмысление его семантики. Например, сойотское «*Ок-хем*» у бурят приняло форму «*Аха*» (русифицированное «*Ока*») и получило иное осмысление: *аха* `старший`, т.е. самая большая из рек Восточного Присаянья.

Другой пример, в Бурятии существуют разные села с одним и тем же названием, например, *Шалуты, Челутай, Чулутай*. На самом деле, это одно и то же слово *шулуун* `камень` в разных словоформах и фонетических вариантах: *чулуун* — *чулуутай* `с камнем` — русский вариант *чулутай, челутай, шулуу – шулуутай* `с камнем` — русский вариант — *шулутай, шалута*.

4) *Калькирование*, то есть буквальный перевод смысла прежних ойконимов на язык пришельцев. Например, русские дословно перевели на свой язык бурятские названия: *Шабарта* — *Грязнуха, Булаг (Булак)* — *Ключ или Ключи, Галуутай нуур (Галута нуур)* — *Гусиное озеро, Долоон нарһан* — *Семь Сосен* и т.п.

5) *Перенесение ойконимов с прежнего местожительства на новое*. В этом отношении примечательно перенесение русскими своих привычных названий на аналогичные объекты вновь осваиваемых земель в Восточной Сибири: *Урал* (так называли невысокие хребты и вытянутые увалы в Приангарье), *Сахалин* (длинный о-в на Байкале), *Дубравы* (чистые березовые рощи), *Шелоник* (местный ветер в Прибайкалье, аналогичный ветру в Приильменье). Очень часты случаи перенесения названий населенных пунктов. Вот что рассказывал старожил деревни Енисейска в Тайшетском районе: «*Первые люди русские были привезены с Йенисейска и паietaму и деревна называица Йенисейска*».

В настоящее время на территории Бурятии распространены ойконимы на языках современных народов, проживающих здесь: эвенков, бурят и русских. Причем, преобладают бурятские названия, они представляют, естественно, наиболее консервативный, устойчивый элемент ойконимии края. Эвенкийские же названия, распространенные почти на всей территории Бурятии, являются элементом реликтовым, остаточным, свидетельствующем о былом более широком ареале обитания тунгусоязычных племен. Прогрессируют названия на русском языке, так как на нем говорит теперь большинство местного населения и он стал широко распространенным языком [Мельхеев, 1969:17].

Что касается ойконимов, осмысливаемых на языках других народов — палеоазиатских, самодийских и тюркских, — которые в разное время, в различных районах юга Восточной Сибири выступали на историческую арену, то они представляют реликты, сохранившиеся спорадически во многих районах.

История аборигенных племен и народностей, потомки которых положили начало формированию ойконимии Бурятии, уходит в глубину древности.

Таким образом, примечательная особенность ойконимии Бурятии как производящей базы этнохоронимов и оттопонимических прилагательных заключается в том, что многие русские наименования населённых пунктов Республики Бурятия не являются русскими по происхождению (*Харлун, Шибертуй, Цагатуй, Обото, Амгаланта, Ульзытэ, Ушхайта, Сахули, Тунгэн, Унэгэтэй* и др.). Необычная структура мотивирующих слов может вызывать некоторые затруднения, которые преодолеваются использованием соответствующих каждому конкретному случаю суффиксов, при этом, по нашему мнению, максимальное сохранение в производных словах облика иноязычного по происхождению мотивирующего слова является необходимым условием.

2.3. Основные способы образования этнохоронимов Бурятии

Описание словообразования названий жителей требует выявления продуктивности способов словообразования. В данном параграфе мы помимо имеющегося материала из словарей этнохоронимов используем и региональный материал, почерпнутый из Википедии и анкет (анкетирование проведено среди студентов БГУ).

Для указания на то, откуда человек родом, где он живет или когда-то жил, русский язык выработал несколько способов, ими являются или различные синтаксические конструкции, или особые терминологические слова.

Вслед за Е. А. Левашовым, принято выделять три способа названия людей по местности, к известным трем Е. А. Моисеева добавляет четвертый.

Классификация выглядит примерно так:

1. Аффиксальный (считается основным), преимущественно суффиксальный, при помощи суффиксов *-ец/-ц(ы)* или *-анин/-ане* (*самарцы, покровчане*).

2. Описательный, который имеет разновидности:

2.1. словосочетание типа *уроженцы Закамны, живущие в Кяхте*. По мнению Е. А. Моисеевой, он присущ официальной речи [Моисеева, 2007, с. 31].

2.2. сочетание предлогов *с, из* с ойконимом в форме род. падежа (*из Верхнего Торея, с Бургултая*). По мнению Е. А. Моисеевой такие сочетания характерны для разговорной речи.

3. Операционный способ (субстантивация). Производные — субстантивированные прилагательные от ойконимов (*бичурские, джидинские*). По мнению Е. А. Моисеевой, субстантивированные прилагательные — типичная принадлежность диалектной речи, проникающая и в литературный язык [Моисеева, 2007, с. 31].

4. Кроме того, Е. С. Моисеева еще выделяет способ лексико-семантический — топоним в метонимическом употреблении (в значении «жители»: *вся Москва говорит об этом*) [Моисеева, 2007, с. 31].

Описанные способы названия лиц по месту жительства характерны для русского языка в целом, и для любого региона в частности, в том числе для Республики Бурятия, являясь достаточно продуктивными.

Выбор каждого зависит от стиля речи, ситуации общения, общих тенденций и местных норм. Как отмечает И. Л. Городецкая, выбор каждого из этих способов обусловлен ситуацией, языковым стилем. Каждый из этих способов правомерен на своем месте [Городецкая, 2003: 3].

Особенно разнообразны словообразовательные модели дериватов-этнохоронимов. С одной стороны, в них наблюдается

некоторая тенденция к единообразию, к унификации по живой словообразовательной модели на *-ец*, с другой — словотворческая традиция, которая передается из поколения в поколение и которую, по словам Е. А. Левашова, «надо заведомо знать, а не производить самому» [Левашов, 2000, с. 9].

Для наименования лиц по месту жительства в русском языке существует несколько словообразовательных моделей. Наиболее продуктивными в современном русском языке являются модели с суффиксами *-ец*, *-анин*, *-ак*, *-ич*. Выбор суффикса зависит от финали производящей основы.

Как отмечают И. Л. Городецкая, Е. А. Левашов, согласно правилам современного русского языка, для образования этнохоронимов наиболее частотным является суффикс *-ец* (*черноморец*, *ленинградец*, *орловец*), который свободно соединяется с основами ойконимов мужского рода на твердый и мягкий согласный (*армавирец* < *Армавир*, *ярославец* < *Ярославль*). Только с суффиксом *-ец* образуются названия жителей от топонимов среднего рода на *-ово*, *-ино* (*бородинец* < *Бородино*, *климовец* < *Климово*). Суффикс *-ец* присоединяется и к большинству ойконимов женского рода на *-к(а)* (*михайловец* < *Михайловка*). Но кроме образований с суффиксом *-ец* в русском языке есть и другие (хотя и не такие продуктивные и многочисленные) модели: с суффиксом *-анин/-янин* (*калужанин* < *Калуга*, *ростовчанин* < *Ростов*, *иркутянин* < *Иркутск*, *хабаровчанин* < *Хабаровск*), *-ич* (*москвич* < *Москва*, *томич* < *Томск*), *-ак/-як* (*туляк* < *Тула*, *пермяк* < *Пермь*).

Авторы словаря выводят следующую закономерность: суффиксы *-ак/-як*, *-ич* переходят в разряд устаревших, суффикс же *-анин*, наоборот, стал активироваться, причина популярности в однозначности: он имеет значение только лица по месту жительства, в отличие от *-ец*, который многозначен [Городецкая, Левашов, 2003].

При этом следует отметить, что четкие правила их образования нигде специально не сформулированы. Даже в словаре «*Географические названия*» Е. А. Левашов констатирует суффиксальное разнообразие отечественных названий и приводит разные варианты, если они

встречаются в письменных источниках (типа *тотьмичи, тотьяне и тотемцы — от Тотьяма*) [Левашов, 2000:15].

Региональный материал подтверждает вариативность в образовании этнохоронимов, более того, она частотна, что подтверждается данными анкетирования и собственными наблюдениями, например, *Улан-Удэ — уланудинец, уланудэнец*. По мнению Е. А. Левашова, существующая вариативность в образовании этнохоронимов вызвана их словоупотреблением, допускающим устаревшие модели, живое же словообразование подчиняется немногим, но довольно жестким правилам.

В новом словаре-справочнике «*Русские название жителей*» [Городецкая, 2003] была сделана попытка фиксации существующих в русском языке правил деривации, нормативного словообразования этнохоронимов, однако реальное их употребление в речи не всегда совпадает с нормативными рекомендациями указанного справочника.

Необходимо отметить, что появление вышеназванных словарей и попытки нормирования словообразования этнохоронимов не решили всех проблем, связанных с образованием этнохоронимов. В связи с тем, что не существует четких правил образования этнохоронимов, имеется масса исключений. Приходится часто обращаться к словарям, чтобы понять, как правильно назвать жителей того или иного города.

А как быть с названиями жителей небольших населенных пунктов, не включенных в словари? К сожалению, в имеющихся словарях этнохоронимов крайне редко встречаются названия населенных пунктов нашей республики, соответственно и этнохоронимы.

Мы в своей работе обращаемся к региональному материалу — этнохоронимам Республики Бурятия, который рассматриваем как часть общей системы наименований жителей России. Используют ли жители республики основные правила при образовании этнохоронимов или же существуют другие, уже устоявшиеся формы, образованные не по правилам?

Итак, производящим для этнохоронимов являются ойконимы — названия населенных пунктов. Анализ существующих региональных этнохоронимов показал, что полного соответствия между ойконимами и этнохоронимами не существует.

Причин этому несколько. Во-первых, несоответствия в количественном отношении возникают из-за того, что немало сел и деревень Бурятии имеют одинаковые названия. Например, *Баянгол* и *Нарын* встречаются на карте Бурятии по два-три раза, соответственно жителей этих деревень называют *баянгольцами* и *нарынцами*. Согласно Википедии жители с. *Тохой* Селенгинского района именуются тохойцами (в единственном числе — *тохоец*, *тохойка*), на самом деле их всегда называли *загустайцами*, так как название поселения «*Загустайское*», названия всех административных учреждений включают в себя ойконим *Загустай*, а не *Тохой*, например, *Загустайская средняя школа*, *Загустайский поселковый совет*. Себя же жители села *Тохой* стали называть *тохойцами* только в последнее время, этнохоронимы *тохоец* и *тохойка* как ранее не употреблялись, так и поныне не употребляются.

Название *Петропавловка* встречается на карте Бурятии неединожды, но жители с. *Петропавловка* Бичурского района говорят «*мы из Алташея*» или «*мы из Гачита*». На самом деле *Алташей*, *Гачит*, *Петропавловка* называют один населенный пункт, который вырос из маленького бурятского улуса *Гачит*, стоявшего по левую сторону от реки *Алтачей*. По легенде *алташейцев* первые дома появились по правую сторону от реки *Алтачей* в день святых Петра и Павла, поэтому деревню называли *Петропавловка*. На сегодняшний день согласно опросу жителей с. *Петропавловка* старшее поколение (население старше 40 лет) говорят «*мы из Алташея*» или «*из Гачита*», кстати, названия административных учреждений включают в себя ойконим *Гачит*, например, *Гачитская средняя школа*. Молодое поколение (население до 30 лет) именуют себя «*мы из Петропавловки*», затем тут же уточняют — «*из Алташея*».

Выделяется пять основных источников изучения этнохоронимов: 1) наблюдения за живой речью; 2) анкетирование; 3) художественные произведения; 4) средства массовой информации и 5) словари. Какой же из этих источников наиболее достоверен? По мнению Е. А. Моисеевой, наиболее надежен первый источник [Моисеева, 2007:153]. Стоит согласиться с этой точкой зрения, так как наблюдения за живой речью исключают внешнее влияние на говорящего, в речи которого отражается реальное бытование этнохоронимов. Следует отметить, что собственный языковой опыт и наблюдения за речью других носителей русского языка нашего региона показывают, что для обозначения жителя того или иного населенного пункта в разговорной речи часто используются субстантивированные прилагательные (*селендумские, калининские, ехэ-цаганские, сотниковские, ошурковские* и др.)¹.

С другой стороны, считаем, что и второй источник достаточно достоверен и надежен. Среди студентов БГУ 1–4 курсов распространили анкеты на знание этнохоронимов Республики Бурятия, где требовалось напротив вписанных ойконимов Бурятии записать названия жителей данных населенных пунктов. Проведенное анкетирование продемонстрировало третий способ образования, в ответах чаще фигурировали этнохоронимы — существительные.

В некоторых случаях вместо этнохоронима можно было встретить прочерк, означающий незнание, или же были вписаны слова, придуманные анкетирруемыми. При работе над систематизацией собранного материала такие этнохоронимы выделены нами в отдельную группу — потенциальные этнохоронимы, которую, в свою очередь, мы поделили на две подгруппы: потенциальные этнохоронимы, созданные на основе известных закономерностей, и потенциальные этнохоронимы, созданные с нарушениями. Совершенно очевидно, что в данном случае мы сталкиваемся с существованием в русском языке лакун.

Анализ собранного материала (ок. 400 языковых единиц — существительных) показал определенную пестроту в образовании

¹ См. Приложение 1

региональных этнохоронимов, но, с другой стороны, позволил выявить наиболее повторяющиеся способы образования этнохоронимов Бурятии.

Следует отметить, что чаще в анкетах используются существительные во множественном числе (*оймурцы, сотниковцы, иволгинцы, хоринцы, малокуналейцы, тарбагатайцы, выдринцы, нижеволгинцы* и др.). Для пополнения списка этнохоронимов Республики Бурятия к потенциальным этнохоронимам, созданным на основе известных закономерностей, нами добавлены слова, созданные по существующим словообразовательным моделям.

Имеющийся материал распределен нами по финали производящей основы и дериватору (словообразовательному суффиксу, неединичномуаффиксу):

1. производящая основа на **сонорный** или **й [j]** + суффиксы **-анин, -ец**:

а) этнохоронимы (функционирующие и потенциальные): *Галтай — галтаец, Шаралдай — шаралдаец, Нарын — нарынец, Тарбагатай — тарбагатаец, Баргузин — баргузинец, Баянгол — баянголец, Хаян — хаянец, Хонхолой — хонхолоец, Дабатуй — дабатуец, Цагатуй — цагатуец, Кулькисон — кулькисонец, Улюн — улюнец, Харлун — харлунец, Малый Куналей — малокуналеец, Хонхолой — хонхолоец, Дырестуй — дырестуец, Новая Брянь — новобрянец.*

б) потенциальные этнохоронимы, созданные с нарушениями (из анкет): *Догончан — догончанин, Улюкчин — улюкчиканин, Улюн — улюнич, Чивыркуй — чивырканин, Душелан — душеланич, Харлун — харлунянин, Селендума — селендумец, Еловка — еловец.*

2. производящая основа ойконимов женского рода с основой на **мягкий сонорный** или **твердый согласный** + суффикс **-ец** с интерфиксом **/-ян/, /-ин/, /ен/**:

а) этнохоронимы (функционирующие и потенциальные): *Гурульба — гурульб/ин/ец, Кудара — кудар/ин/ец, Джида — джид/ин/ец, Сулхара — сулхар/ин/ец, Ушхайта — ушхайт/ин/ец, Аргада —*

аргад/ин/ец, Кяхта — кяхт/ин/ец, Хасурта — хасурт/ин/ец, Гурульба — гурульб/ин/ец.

б) потенциальные этнохоронимы, созданные с нарушениями (из анкет): *Харгана — харган/ч/анин, харган/ин/ец, Селендума — селендум/ч/анин, селендумец, Еловка — еловец.*

Аналогично образуются названия жителей от некоторых нерусских (в нашем случае, бурятских и эвенкийских) географических наименований, оканчивающихся на **-и**, оформленных как существительные во множественном числе): *Зугдели — зугдел/ин/ец, Хулугли — хулугл/ин/ец, Сахули — сахул/ин/ец, Кадали — кадал/ин/ец.*

3. производящая основа ойконимов среднего рода на **-ино**, **-ово** + суффикс **-ец** (в анкетах этнохоронимы от ойконимов на **-ино**, **-ово** даны во множественном числе или с нарушениями):

а) этнохоронимы (потенциальные): *Кабалино — кабалинец, Кокорино — кокоринец, Краснояррово — краснояровец, Адамово — адамовец, Черноярово — чернояровец, Фофоново — фофоновец, Ранжурово — ранжуровец, Тресково — тресковец, Сотниково — сотниковец, Кокорино — кокоринец, Краснояррово — краснояровец, Ошурково, Адамово — адамовец.*

б) потенциальные этнохоронимы, созданные с нарушениями (из анкет): *Каленово — каленов/ч/анин, Шапеньково — шапеньковские, Россошино — росошин/ч/анин, Инкино — инкийцы, Шергино — шергийцы.*

В разговорной речи для наименования жителей населенных пунктов, заканчивающихся на **-ово**, **-ево**, **-ино**, **-ено** и др., чаще используют форму множественного числа, поэтому суффикс единственного числа **-ец** работает в варианте **-ц** (*Ошурково* → *ошурковцы*, *Сотниково* → *сотниковцы*, *Зорино* → *зоринцы*, *Потанино* → *потанинцы*, *Шергино* — *шергинцы*, *Инкино* — *инкинцы*). Для названий, заканчивающихся на **-тск**, **-цк**, **-ск** и др., чаще всего используются суффиксы **-ан/-ян/**.

Нельзя оставить без внимания то обстоятельство, что сегодня у журналистов и комментаторов радио и телевидения, особенно региональных, выявляется субъективная установка на выбор этно-

хоронима с этим же суффиксом и интерфиксом *-/ч/*, например, *Северомуйск* — *северомуй/ч/ане* (вместо *северомуйцы*), *северобайкальчане* (вместо *северобайкальцы*) [Байкал-дейли]. В данном случае работает неединственный аффикс *-(ч)анин* (суффикс *-анин* + интерфикс */ч/*).

Следует отметить при этом, что сами жители чаще всего не хотят именоваться так необычно, слишком вычурно, им больше по душе называться привычным именем, а оно в большинстве имен жителей оформлено по модели на *-еи*: жители города Северобайкальска именуют себя *северобайкальцами*.

В анкетах не выявлено ни одного этнохоронима, образованного от ойконима с элементом «усть». Для образования этнохоронимов с элементом «усть» в большинстве своём независимо от окончания используется интерфикс */ин/* и суффикс *-ц*. Этнохоронимы, образованные по данной модели функционируют во множественном числе: *Усть-Алташа* — *устьалташ/ин/цы*, *Усть-Джилинда* — *устьджилинд/ин/цы*, *Усть-Муя* — *устьму/ин/цы*, *Усть-Заган* — *устьзаган/ин/цы*, *Усть-Эгита* — *устьэгит/ин/цы*, *Усть-Орот* — *устьорот/ин/цы*².

Следует заметить, что правило написания этнохоронимов слитно во всех случаях, даже если в названиях, от которых они образованы, несколько слов написаны раздельно или через дефис (*зуноронгойцы* — от *Зун-Оронгой*, *сосновоозероцы* — от *Сосново-Озерское*, *алагшулунец* — от *Алаг-Шулун* и др.).

Анализ собранного материала показал определенную пестроту в образовании региональных этнохоронимов, но, с другой стороны, позволил выявить наиболее повторяющиеся аффиксальные способы образования этнохоронимов Бурятии, к ним относятся аффиксальный (при помощи дериватора — суффикса *-еи* и неединственного дериватора *интерфикса* + *суффикса*).

Интерфиксально-суффиксальный способ используется и при образовании прилагательных, образованных от ойконимов, которые в свою очередь субстантивируются (*Зун-Холба* → *зунхолб/ин/ские*, *Батурино* → *батур/ин/ские*) и в этнохоронимах — существительных

² См. Приложение 2

(Ушхайта → ушхайт/ин/цы, Удунга → удунг/ин/цы и т. д.). Этнохоронмы даны в приложении, интерфиксы нами выделены.

Работа по анкетированию населения требует продолжения. Более того, в процессе работы мы пришли к выводу, что анкету для изучения этнохоронимов Республики Бурятия следует расширить, например, добавить туда вопросы по выявлению неофициальных данных (прозвищных, шуточных, с негативной оценкой).

Список этнохоронимов Республики Бурятия необходимо пополнять, региональный материал требует обобщения и систематизации, для этого необходимо работать, используя все источники, о которых мы упоминали выше. Считаем, что словарь региональных этнохоронимов необходим, он может оказать помощь жителям населенных пунктов нашей республики, студентам, учителям, работникам средств массовой информации в выборе правильного варианта того или иного этнохоронима.

2.4. Трудности, возникающие при образовании ЭТНОХОРОНИМОВ-РЕГИОНАЛИЗМОВ

Можно выделить несколько причин, по которым от ойконимов трудно образовать этнохоронимы, основными из них являются, безусловно, **морфологические**. Моисеевой Е. С. выделяются шесть типов производящих — ойконимов, от которых образование этнохоронимов осложнено.

Собранный региональный материал позволил выстроить следующие группы производящих — ойконимов, от которых затруднено образование этнохоронимов:

- а) Ойконимы с односложной основой: *Нюки, Цолга, Суво, Уро, Буй*.
- б) Некоторые ойконимы с основой на заднеязычные (*з, к, х*), *ж, ц и ч*:

Ониноборск, Санномыск, Удинск, Булаг, Колобки, Жемчуг.

- в) Ойконимы, основа которых заканчивается на скопление согласных: *Карымск, Ярцы, Харьястка, Черемушки, Селенгинск.*

г) Ойконимы, образованные операционным способом — словосложением: *Новоспасск, Северомуйск, Новоселенгинск, Новодевятниково*.

д) Многосложные ойконимы, ойконимы на *-их, -ск(ий)*: *Нестериха, Журавлиха, Маловский, Кыджимит*.

е) Ойконимы — прилагательные, от которых образование этнохоронимов затруднено по фонетическим причинам: *Троицкое, Рудничный, Ягодное*.

Кроме лингвистических факторов образованию препятствуют и **социально — культурные**. Так, нередко образование этнохоронима не происходит из-за малой величины или из-за «низкого» социального статуса населённого пункта (*Элэсун, Катунь, Соел, Уро, Баян*). В этом смысле указанные ойконимы ведут себя как микропонимы, от которых обозначение жителей (или обитателей), как правило, не образуется [Моисеева, 2007:153].

Переходя к рассмотрению реального функционирования трёх соотносительных форм этнохоронимов — мужского и женского родов и формы множественного числа (*Джида — джидинец — джидинка — джидинцы*), заметим, что всеми исследователями отмечается, что степень их употребительности (функционирования) различна. Замечено, что в трёхчленной парадигме этнохоронимов наиболее распространённой является форма множественного числа, наименее распространённой — форма женского рода.

В образовании и употребительности имён мужского рода и форм множественного числа в большинстве случаев наблюдается соотношение: например, *нарынец — нарынцы* (Нарын), *хангирец — хангирцы* (Хангир), *баянголец — баянгольцы* (Баянгол). Однако она не является жёсткой — форма множественного числа фиксируются заметно чаще, и является более стабильной.

Основываясь на классификации Е. А. Моисеевой [Моисеева, 2010, с. 33–34], выделим основные способы образования женских этнохоронимов нашего региона:

1) Суффикс *-ец* (или его производные) заменяются суффиксом *-к*. Это наиболее продуктивная модель (*уланудинец — уланудинка*,

частотнее в разговорной речи *уланудэнец* — *уланудэнка*, *нарынец* — *нарынка*).

2) Суффиксы *-анин/-янин/-(ч)анин* частично усекаются (отбрасывается компонент *-ин-*, имеющий значение единичности (для сравнения *христианин* — *христиане*) и к усеченной основе добавляется суффикс *-к-* (*Сахули* — *сахуличанин* — *сахуличанка*).

3) К основе мужского этнохоронима прибавляется один из женских суффиксов (*-к-, -их-, -ш-*), причем этнохоронимы этого типа носят обычно разговорный или шуточный характер (*сотниковец* — *сотниковка*).

При всей своей словообразовательной виртуозности русский язык не дает стопроцентной возможности создавать этнохоронимы от любого географического имени. В сложных, непреодолимых для него случаях, он вынужден прибегать к описательным оборотам.

Таким образом, трудности образования этнохоронимов Бурятии провоцируются уникальностью производящего (частотны нерусские по происхождению ойконимы), однако словопроизводство происходит по русской словообразовательной модели и с использованием русских словообразовательных средств.

Необычная структура производящего может вызывать некоторые затруднения, которые преодолеваются использованием соответствующих каждому конкретному случаю суффиксов, при этом, по нашему мнению, максимальное сохранение в производных словах облика иноязычного по происхождению мотивирующего слова является необходимым условием.

Анализ собранного материала показал определенную пестроту в образовании региональных этнохоронимов, но, с другой стороны, позволил выявить наиболее повторяющиеся способы образования этнохоронимов Бурятии, к ним относятся аффиксальный (при помощи дериватора — суффикса *-ец* и неединственного дериватора *интерфикса + суффикса*).

Следует отметить, что в ответах представлены этнохоронимы — существительные. Анкетирование также продемонстриро-

вало, что жители республики не всегда используют имеющиеся правила образования этнохоронимов, существуют другие, уже устоявшиеся формы, образованные не по правилам. Собственный языковой опыт и наблюдения за речью других носителей русского языка нашего региона показывают, что в разговорной речи часто используются субстантивированные прилагательные (*селендумские, калининские, ехэ-цаганские, сотниковские, ошурковские и др.*).

ГЛАВА 3

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ОТТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Прилагательные, образованные от географических названий, занимают особое место среди регионализмов, так как очевиден их региональный характер функционирования. В различных регионах процесс образования оттопонимических прилагательных от национальных топонимов в русской огласовке происходит неодинаково, что связано с различиями в традиции, в особой структуре топонимических основ, в ударении топонима и т. д.

Оттопонимические прилагательные РБ отражают специфику этнических контактов нашего региона, наглядно демонстрируют взаимовлияние контактирующих языков, в нашем случае это русский, бурятский и эвенкийский языки.

3.1. Оттопонимические прилагательные в лингвистике: КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА

Как пишет Е. А. Левашов, «прилагательные, образованные от географических имен, сопутствуют всей истории нашего языка, прослеживаясь с его древнейших памятников: летописей и документов. Особенно активизировались они сейчас — в связи с хозяйственным освоением новых территорий, с расширением межнациональных контактов, с увеличением потока информации, с появлением в языке новых словообразовательных возможностей» [Левашов, 2000, с. 3].

В современном русском языке не существует единого термина для наименования прилагательных, образованных от географических названий. Их называют *адъектонимами*, *катойконимами*, *отгеографическими* и *оттопонимическими* прилагательными.

По мнению О. А. Дубковой, их следует называть *отгеографическими прилагательными*, где слово говорит само за себя [Дубкова, эл. ресурс], Журавлева Н. Ю. подобрала термин — *катойконимы* [Журавлева, 2013], Л. И. Озтюрг же такие прилагательным наградила особым ономастическим термином — *адъектонимы*, подчёркивающим их родство и смежность с другими именами собственными [Озтюрг, 2008, с. 35].

В. Г. Костомаров, В. И. Максимов дают другое наименование — *оттопонимические прилагательные* [Костомаров, 2010, с. 482], которое мы и используем в своей работе. На наш взгляд, этот термин точнее отражает суть прилагательных такого рода: производящим для них являются именно топонимы. По словарю Д. Н. Ушакова, *топоним* — это собственное название отдельного географического места (населенного пункта, реки, угодия и др.) [ТСРЯ 2000, с. 219].

В нашей работе основной акцент сделан на оттопонимических прилагательных, образованных от ойконимов (от названий населенных пунктов). С. В. Крюкова называет их *отойконимическими прилагательными* [а, эл. рес.].

По мнению Л. И. Озтюрг, возникновение и распространение оттопонимических прилагательных, происходит чаще всего не систематически и целенаправленно, а спонтанным, даже неожиданным способом. Для них характерна многовариантная система, которая образует не только в области производящей основы и образующего суффикса. Эта система неустойчива, поскольку связана с возникновением новых разнообразных топонимов.

На сегодняшний день в современном русском языке нормированной системы образования оттопонимических прилагательных, в том числе отойконимических, не существует, также как и этнохоронимов. Такая система находится в стадии развития и систематиза-

ции. Системное изучение оттопонимических прилагательных также является одной из актуальных проблем современной региональной лингвистики.

Известно, что являясь частью апеллятивной лексики, оттопонимические прилагательные входят в особый лексико-семантический разряд и имеют ряд особенностей. Известно, что оттопонимические прилагательные имеют собственную словообразовательную парадигму, отличную от парадигмы имён нарицательных, например: *озеро* → *озёрный*, но *Сосново-Озерское* (районный центр Еравнинского района РБ) → *Сосново-озёрский*, *шахта* → *шахтный*, но *Шахта* (разг. вариант наименования города Гусиноозерск Селенгинского района РБ) → *шахтинский*, *победа* → *победный*, но *Победа* (посёлок Сосново-Озерск, разг.) → *побединский*, *победский*.

По мнению Е. А. Левашова, можно говорить о существовании в языке особой «оттопонимической модели» для таких прилагательных, что является их важным отличительным признаком. В целом оттопонимическое словопроизводство — творческий процесс, связанный с существованием в языке многочисленных вариантов модели их образования, выбор которых не всегда регламентирован какими-либо достаточными показаниями или противопоказаниями. Наличие вариантов — объективное, но не всегда желательное явление, поскольку затруднительным становится выбор одного из них [Левашов, 2000, с. 15].

Первым самостоятельным лексикографическим изданием оттопонимических прилагательных является «Словарь прилагательных от географических названий» под редакцией Е. А. Левашова, в котором, по мнению автора, «живые, современные факты языка определяют лицо словаря» [Левашов, 1986, с. 5]. Содержит около 13000 прилагательных, образованных от отечественных и зарубежных географических названий, наиболее значимых «по статусу и употребительности» [Левашов, 1986, с. 3.]. Следует отметить, что в словаре приводятся как рекомендуемые нормативно образованные прилагательные, так и встречающиеся в речи ненормативные прилагательные.

Затем вслед друг за другом выходят словари того же автора «Географические названия: Прилагательные, образованные от них. Названия жителей (2000 г.) и «Мировая топонимика. Прилагательные от географических названий» (2003 г.).

Однако выход указанных лексикографических изданий не поставил точки в проблеме нормализации и лексикографической фиксации оттопонимические прилагательные. Во-первых, словари в силу своего объема не могли отразить всего разнообразия названий оттопонимических прилагательных, образованных от названий по местности. Вне поля зрения авторов остались оттопонимические прилагательные, образованные от названий деревень, хуторов, поселков, небольших городов и т.д. Во-вторых, словари не имели ярко выраженной нормативной направленности.

Вероятно, наиболее оптимальный путь решения данной проблемы — создание словарей и специальных справочников, территориально очерченных, где с учетом региональных особенностей будут представлены рекомендации относительно словообразования и написания отойконимических прилагательных. Только региональные словарям и справочникам способны зафиксировать все имеющиеся формы, а также стилистически разграничить оттопонимические прилагательные. Все же не будем забывать, что значительная часть оттопонимических прилагательных функционирует на ограниченной территории какого-нибудь региона и несет на себе отпечаток регифлекта.

3.2. ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ОТТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В данном параграфе рассмотрим вопросы образования отойконимических прилагательных. Следует отметить, что в образовании прилагательных от названий населенных пунктов зачастую возникает вариативность в сфере производной основы, дериватора (чаще, образующего аффикса) и ударения. Она неустойчива вследствие

большого и увеличивающегося количества разноструктурных названий населенных пунктов (далее — ойконимов), вовлекаемых в словопроизводство.

Оттопонимические прилагательные появляются в языке в силу экстралингвистических причин, ведь в нашей повседневной языковой деятельности приходится постоянно выполнять задачу передачи информации о соотношениях явлений и объектов разных классов, например, охарактеризовать людей или предметы согласно их происхождению или принадлежности к той или иной группе.

В русском языке для этого существуют аффиксы, образующие соответствующие конструкции: *Бурятия* — *бурят-ск-ий*, *Еравна* — *еравн/ин/ск-ий*.

При образовании оттопонимических прилагательных немаловажную роль играет производящее (мотивирующее) — слово (или сочетание слов), которым непосредственно мотивируется форма и семантика образованного слова (деривата): *Сосново-Озерское* (мотивирующее) + *-ск* (дериватор) → *сосново-озерский* (дериват).

Мотивированность дериватов (производных слов) может исходить из более чем одного признака, что приводит к появлению прилагательных синкретичного характера.

Производящие могут иметь прямой или переносный характер, строясь на ассоциативной трансформации начального образа. Так, например: прилагательное *боргойская* изначально имеет значение «место происхождения» (от ойконима *Боргой* — село в Джидинском районе РБ, которое славится отличным качеством баранины еще с советских времен). Благодаря метонимии у прилагательного *боргойский* появляется значение «определенное качество», соответственно, *боргойская* (баранина) — оттопонимическое прилагательное, включающее в себе семантику происхождения и оценку определенного качества, в данном случае, «мясо высшего качества».

Некоторые прилагательные соотнесены с наименованиями онимических особенностей рельефа, собственно топонимики местности, например, оттопонимическое прилагательное *еравнинский*

(*ие*) сразу же вызывает ассоциацию «край голубых озер», прилагательное *окинский (ие)* — гор, крутых подъемов, извилистых дорог, *джидинские* — небольших сопок и бескрайней степи.

Таким образом, производящими для оттопонимических прилагательных могут служить названия географических объектов, существующих на поверхности Земли независимо от воли людей и возникшие без их участия. Топонимы этого типа являются неизменными в языковой картине мира проживающего на данной территории населения, они передаются из поколения в поколение и практически никогда не переименовываются на людской памяти.

Этот факт не означает стабильности и неизменности в системе оттопонимических прилагательных. Словообразование топонимических прилагательных, в том числе и отойконимических, предполагает такой же сложный процесс, как и в словообразовании этнохоронимов. В связи с чем, существует множество вариаций их употребления.

На сегодняшний день оттопонимические прилагательные системно представлены лишь в словарях Е. А. Левашова [Левашов 1986, 2000]. В данных словарях автор собрал множество оттопонимических прилагательных, которые описывает с точки зрения их словообразования. В словарях Е. А. Левашова отражены оттопонимические прилагательные только от названий крупных и общеизвестных населенных пунктов. А прилагательные, образованные, например, от сельских населенных пунктов там не представлены.

При образовании прилагательных от названий населенных пунктов в качестве производящих основ выступают сами названия населенных пунктов, и в русском языке усиливается тенденция структурной целостности топонимов как мотивирующих основ.

Благодаря лексикографическим изданиям Е. А. Левашова и другим источникам, можно делать предположения о сложившейся традиции в официальной практике, а тот факт, что немало топонимов имеют в своей структуре общую часть, вовлекаемую в словопроизводство, позволяет в ряде случаев прогнозировать модели оттопонимических

прилагательных. Например: от села *Ширинга* — *ширингский*, *Новодевятниково* — *новодевятниковский* и др.

Однако нельзя игнорировать и то, что в структуре топонимов эта часть может иметь различное орфографическое оформление, что в большей степени и влечет разноразнообразие, например: *Барун Толгой* — *барунтолгойский* и *барун-толгойский*, *Барун-Эгита* — *барунэгитский*, *барун-эгитский* или *барунэгитинский*, *Шара-Горхон* — *шарагорхонский* или *шара-горхонский* и др. Эти примеры иллюстрируют сложносоставность наименований населенных пунктов Бурятии, отражающейся и на сложносоставности образованных отойконимических прилагательных.

Соответственно, сложносоставной характер структуры оттопонимических прилагательных создает проблему для их написания, правильного произношения и объяснения этимологии этих прилагательных.

Также при произношении данных прилагательных часто возникают вопросы в постановке ударений. Постановка ударений в оттопонимических прилагательных — такая же трудность, как и их правописание. Не существует орфоэпического словаря, в котором были бы представлены прилагательные, образованные от географических названий Республики Бурятия. В каждом населенном пункте их произносят в соответствии с устоявшейся традицией произношения. Однако такие традиции носят вариативный характер, вследствие чего часто возникают разные варианты того или иного прилагательного [Левашов, 2000]. Понятно, что официальные традиции и факты живой разговорной речи зачастую могут расходиться.

В современном оттопонимическом словопроизводстве подавляющее большинство оттопонимических (отойконимических) прилагательных обслуживает суффикс *-ск*.

В свое время Е. А. Земская предсказала угасание суффиксов *-ов* и *-ин* и активность суффикса *-ск* в словообразовании, особенно в словотворчестве от собственных имён [Земская, 2006].

На образование оттопонимических прилагательных сильное воздействие оказывает, безусловно, региональный фактор, отраз-

ившийся на традиции живой разговорной речи населённых пунктов нашего региона, особенно малых. Существующие традиции порождают в местной речевой практике многочисленные варианты. Однако, сталкиваясь с различными, зачастую «неудобными» для себя фонетическими финалями топонимов, что мы имеем в оттопонимическом словопроизводстве нашего региона, суффикс *-ск* вынужденно образует дополнительные, усложнённые варианты неединичного аффикса: /ов/ск-, /ев/ск-, /ан/ск-, /ян/ск-, /й/ск-, /ин/ск-. Итак, неединственный дериватор *суффикс + интерфикс*, работающий при образовании оттопонимического прилагательного, имеет первый *постоянный* компонент — суффикс *-ск* и *переменный* компонент — *интерфикс: -ин, -ан, -ян, -й-,* в разговорном варианте *-ов* .

По нашим наблюдениям, наиболее распространённым для соединения с «неудобной» основой может стать комплексный аффикс *-инск-*, исторически образованный от притяжательного *-ин* и *-ск-* (см. Приложение № 1).

В современном русском языке производство оттопонимических прилагательных — неустойчивая система, для которой характерна вариативность не только в сфере производящей основы, но и образующего дериватора (в нашем регионе неединственного аффикса). Она неустойчива и вследствие большого и все увеличивающегося количества разнообразных топонимов, вовлекаемых в словопроизводство.

3.3. Ойконимы РБ как производящее для оттопонимических прилагательных

В бурятской топонимике часто встречаются названия, связанные с бытовыми и хозяйственными занятиями коренных народов, с особенностями рельефа, в некоторые названия сел и деревень, рек и озер, коренные народы (буряты, эвенки) вкладывали большое сакральное значение, которое русскому человеку не всегда понятно. В связи с этим существуют трудности в произношении и написании

топонимов и, как следствие, в образовании оттопонимических прилагательных.

Проиллюстрируем данное явление на материале топонимов Еравнинского района Республики Бурятия, которые являются производящими (мотивирующими) для отойконимических прилагательных.

Проанализировано 66 названий топонимов Еравнинского района (список прилагается в приложении № 2), из них, 35 топонимов имеют бурятские названия, 12 — эвенкийские. По мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, первые буряты в Еравне появились где-то на рубеже XV–XVI веков. Они вели то вспыхивающие, то утихающие войны с местными эвенками, постепенно вытесняя их через хребты и гольцы в районы современных территорий Баргузина, Курумкана и Баунта. Но эвенкийские названия местностей остались.

Бурятские названия пришли вместе с кочующимися племенами хоринских родов. С приходом русских в Еравне появляются русские названия. На сегодняшний день их осталось двенадцать, в основном, это ойконимы, история семи топонимов остается пока не разгаданной.

Основные способы образования оттопонимических прилагательных:

а) суффиксальный способ (суффикс –ск).

поселок **Можайка**, название которого произошло от бурятского *мужаха* — искривляться, перекосяться, повернуть. В этом месте река Эгита, прегражденная горой Тайлууд, повернула на запад и, искривляясь по степи *Мужихын тала*, потекла на юго-запад. От топонима *Можайка* образуется прилагательное *можайский* (с ударением на втором слогѐ).

Тужинка — от бурятского *тужа* `густой лес`. «Здесь на большом пространстве в долине реки Уды имеется густой сосновый лес с обильной порослью. Буряты это урочище называют *Тужа*, а село — *Тужин-Селен*» [Мельхеев, с. 160]. Производное от этого топонима прилагательное — *тужинский* (с ударением на втором слогѐ).

Поселок **Тулдун** переводится как «тропа через горный перевал. Узкая дорожка, по которой можно проехать на волокушах». В слова-

ре забайкальских говоров Л. Е. Элиасова, слово «тулдун» означает «тропа через горный перевал. «По тулдуну шли почти два дня. Или *тулдун* — узкая дорожка, по которой можно проехать на волокушах». Отойконимическое прилагательное от этого названия — *тулдунский* (ударение падает на второй слог).

Дефисное написание названия улуса ***Усть-Эгита*** является еще одним из трудных случаев написания отойконимических прилагательных. Прилагательное, образованное от данного географического названия, сохраняет дефисное написание и произносится с ударением на четвертом слоге — *усть-эгитуйский*.

б) интерфиксально-суффиксальный способ (интерфикс /ин/ + суффикс –ск):

В Еравнинском районе существует озеро и село с одноименным названием ***Гунда***. Как выяснилось, в бурятском языке подобного слова нет, возможно, оно имеет другие корни. Производное от данного топонима прилагательное — *гундинский* (ударение падает на первый слог) — Село ***Телемба*** также образовано в результате сложного исторического процесса смешения языков. В переводе с эвенкийского *Телемба* означает «железное место». Прилагательное, образованное от данного географического названия — *телемб/ин/ск-ий* (с ударением на третьем слоге).

Данных об этимологии географического названия ***Гонда*** нам найти не удалось. Производное от данного названия прилагательное — *гонд/ин/ск-ий* (местные жители употребляют с ударением на первом слоге).

Административным центром сельского поселения «*Ульдургинское*» является село ***Ульдурга***. Отойконимическое прилагательное произносится с ударением на третьем слоге — *ульдург/ин/ск-ий*.

Отойконимическое прилагательное, образованное от названия поселка ***Ширинга*** является наименованием сельского поселения «*Ширингинское*». *Ширинг/ин/ск-ий* произносится с ударением на третьем слоге

В) неузальный способ (десубстантивация):

Село **Комсомольское** название получило способом субстантивации прилагательного русского языка — *комсомольский*. Прилагательное от данного географического названия — *комсомольский* (ударение на третьем слоге) — способ десубстантивация (по И. С. Улуханову).

Село Сосново-Озерское — это административный центр Еравнинского муниципального района. Село Сосново-Озёрское было основано в конце XIX века в результате соединения двух деревень. Это были деревни Большая Сосновка и Малая Сосновка. По сведениям информаторов, одновременно с названием Сосново-Озёрское бывало наименование Иннокентьевка, вероятно по имени Иннокентия Кульчицкого — первого иркутского епископа, канонизированного русской православной церковью как Святитель Иннокентий, в честь которого была построена церковь в селе.

Гунда. Подъезд к озеру лежит через село, которое именовалось когда-то Петропавловкой. Зачем оно было переименовано, не понятно, но случилось это в конце 1920-х, когда в селе была установлена центральная усадьба совхоза. Следы совхоза здесь повсюду и по сей день. В селе проживает что-то около 1300 человек. В мае 1929 года при установлении центральной усадьбы совхоза выбор пал на южный берег озера Гунда, т.е. на переселенческое село Петропавловка, которое было переименовано в село Гунда.

Погромная. «Н. Спафарий (1675 г.) писал: «а Погромной потому словет, что по этой речке громили мунгал...» Здесь русские казаки в 1674 г. имели кровавую стычку с монголами, «а мунгалы словут Табануты, которые обиды чинили государевым людям многие, а было их 3000...». (Мельхеев, с. 149). С. Погромное в 40-х годах переименовано в Комсомольское. Долину реки Погромной буряты называют **Харха**.

Гарам. В настоящее время существует два мнения, откуда произошло название Гарам. Первое мнение в честь Абрама Честных, который купил четыре десятины земли у инородцев т.е Абрам-Гарам. Второе мнение, как рассказывают старые люди, что здесь жил старик по имени Гарма, который целыми днями несмотря на погоду, про-

водил на озере, добывая рыбу. На наш взгляд, вторая версия более правдоподобна.

Укыр. В 1675 году русские землепроходцы основали Еравнинский острог, который должен был служить опорным пунктом для освоения этой территории русскими. Еравнинский острог просуществовал до 1810 года и потом он был перенесен в Ухэр — нуур (оз. Укыр) пишет летописец Вандан Юмсупов. Основание села Укыр следует отсчитывать с 1810 года. Укыр произошло от названия Ухэр — нуур (коровье озеро), возможно из-за того, что на берегу этого озера паслось много скота.

Поперечное (Тайлууд по-бурятски). В междуречье Уды и Эгиты находится резко возвышающаяся над окружающей степью гора Тайлуд, близ с. Можайка — от устарелого бурятского слова *тайлга* — жертвоприношения духам, покровителям шаманистам. Здесь в далеком прошлом буряты справляли *тайлга*, а затем, с появлением буддизма, ламы на этой же горе стали устраивать обоо, и гора стала называться Тайлуд-Обоо, а русское село Поперечное, расположенное у подошвы горы, у бурят называется Тайлуд-селен (с. Тайлуд) и по сей день).

Некоторые описания происхождения ойконимов Еравны даются в приложении 1.

Собранный материал показывает, что образованные от местных топонимов отойконимические прилагательные являются сложными, так как русскому человеку сложно не только понять значение большинства этих слов, но и выбрать правильную форму для произношения и написания образованных от них прилагательных. Нормы постановки ударения в отойконимических прилагательных не закреплены в орфоэпических словарях, а поддерживаются языковой традицией, незнание которой влечет за собой неправильное произношение данных прилагательных.

Итак, экскурс в историю образования ойконимов Бурятии произведен на основе нескольких ойконимов Еравнинского района Республики Бурятия, зафиксированных в работе М. Н. Мельхеева «Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий».

3.4. ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ОТТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ ОЙКОНИМОВ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

В образовании отойконимических прилагательных РБ участвуют как русские наименования, так и заимствованные из других языков, преимущественно из бурятского, например: *хорго* `бельмо`, *хүрээ* `изгородь`, *хүтэл* `невысокий перевал`, *хэсыхэ* `наклонять`, *шандаган* `заяц`, *горхон* `речка`, *шэнэ* `новый`, *далай* `море` и проч.

Собственный языковой опыт и наблюдения за речью других носителей русского языка нашего региона показывают, что прилагательные могут иметь разные вариации. Например, от *Сосново-Озерское* — *сосново-озерский*, *сосновско-озерский* (разг.), *сосновский*. Всё это убедительно доказывает необходимость регионального исследования отойконимических прилагательных и составления в последующем словаря-справочника.

В нём необходимо использовать не только данные собственно лингвистических исследований, но и материалы, полученные в ходе специального анкетирования как наиболее ценного источника для лексикографических выводов.

Вариативность в живой разговорной практике может быть обусловлена также тем, что зачастую сами топонимы могут иметь варианты, в ряде случаев активно функционирующие не только в разговорной речи, но и зафиксированные в письменных источниках. Безусловно, в данном случае обнаруживается двуязычие, чаще всего это параллельное существование русских (в официальных документах) и бурятских (в разговорной речи) наименований, или бурятских в русской огласовке. Тогда тем более актуален вопрос, какое мотивирующее работает при словопроизводстве оттопонимических прилагательных.

Опрос жителей некоторых населённых пунктов показал, что чаще всего ими используется не официальный вариант, а местный, например: от *Гангата* (офиц.) и *Ганга* (бурятский эквивалент) местные жители предпочитают прилагательное *гангаский*. И это ещё одна

примечательная особенность отойконимических прилагательных нашего района — наименование населённого пункта на бурятском языке, а словообразование происходит по «русской» модели.

При этом используется только суффикс –ск в комплексе с интерфиксом, например *-инск(уй)* (об его активности говорилось выше), с помощью которого «из солидарности» могут образовываться все производные от данного топонима.

Особая трудность в формировании системы оттопонимических прилагательных ощущается при включении в её словообразовательную базу топонимов двух или более компонентного типа.

Возникает вопрос: весь топоним или только его часть использовать при выборе словообразующей основы для оттопонимического прилагательного и этнохоронима. В разговорной речи чаще используется только одна часть, например, *Нижнеангарск* — *нижнинские*, *Кудара-Сомон* — *кударинские*, *Нижний Убукун* — *убукунские* (См. Приложение № 1), хотя вариант с сохранением и обоих компонентов тоже встречается в разговорной речи: *Верхняя Иволга* — *верхнеиволгинские*. В случае с *верхнеиволгинским* вторая часть вынужденно употребляется, так как существует *иволгинский* от *Иволга*, *нижнеиволгинский* от *Нижняя Иволга*.

Чаще такая ситуация встречается в официально-деловом или научном употреблении оттопонимических прилагательных, которые, будучи лишёнными других средств маркирования, требует сохранения всех элементов словосочетания для точного, документального определения предмета мысли. Особенно это может касаться топонимов с частью *Новый*, *Старый*, *Верхний*, *Нижний*, *Большой*, *Малый* и т. д. Например: *Большая Еравна*– *большееравновский*, *большееравнинский* (офиц.) и *еравновский* (разг.), *Малая Хорга* — *малохорговский* (офиц.) и *хорговский* (разг.). Также при формировании прилагательных от многокомпонентных топонимов необходимо учитывать и уровень фразеологизации топонимического единства. Он будет высоким в тех случаях, когда компоненты топонима были фразеологизированными или связанными, постоянными словосочетаниями ещё

в системе нарицательных названий до процесса топонимизации, например: *Новая Покровка*, и в тех случаях, когда топонимическое словосочетание является неразложимым в силу того, что ни один из компонентов самостоятельно не может выполнить функции данного топонима и поэтому не способен образовывать оттопонимическое прилагательное способом суффиксации, например: *Зымка, Зырликта, Зун — Эгита* и т.д.

Итак, в ряде случаев при формировании оттопонимического производного используются все части сложного топонима, особенно это характерно для официально-делового стиля. В разговорной же речи, как показали опросы, употребляются преимущественно всё-таки упрощенные варианты оттопонимических прилагательных, и это не противоречит закономерности экономии речевых средств в данной функциональной разновидности языка.

Немаловажной особенностью оттопонимических прилагательных является ограниченность или невозможность их образования в тех случаях, когда синтаксическая структура составного топонима с большим трудом поддается образованию прилагательных, например, от топонима *Детский Санаторий* невозможно образовать прилагательное. В таких случаях уместно говорить об описательном способе, что, по-видимому, иллюстрирует ограниченные словообразовательные возможности самого топонима.

Не всегда просто образовать прилагательные от некоторых других наименований. Например, от составных топонимов со словом *ключ* (*Белый Ключ, Богатый Ключ, Хороший Ключ* и т.д.) могут быть образованы прилагательные со вторым компонентом *-ключский, -ключинский, -ключевский*.

В примере с *ключский* работает суффикс *-ск*, но этот вариант малоупотребителен. Чаще мы образуем прилагательные при помощи интерфиксов *-ев* и *-ин*: *-ключинский, -ключевский*.

Таким образом, система находится в стадии сложения и, безусловно, нуждается в кодификации на основании изучения всех имеющихся в речевой практике материалов.

Отсутствие унификации в написании оттопонимических прилагательных — ещё одна их важная особенность. Орфографический разнобой — нежелательное и тревожное явление. Наиболее очевидна эта ситуация в отношении слитного и дефисного написания сложных оттопонимических прилагательных, которые нельзя рассматривать изолированно от сложных прилагательных в целом. Оттопонимические прилагательные — особый лексический пласт и при неизбежном господстве стандарта (т. е. общего правила) здесь немало случаев отступления.

Усиленное воздействие региональных факторов на словообразование, отражается на традициях разговорной речи местных жителей этих населённых пунктов, особенно небольших, порождает в местной речевой практике многочисленные варианты.

Хотя по существующему правилу все прилагательные обязаны наследовать дефис от существительного (в данном случае от топонима), написание собственных и нарицательных оттопонимических прилагательных различно.

Под действием традиции, сложившейся в практике употребления, некоторые собственные оттопонимические прилагательные пишутся через дефис и с прописных букв в составных частях, в то время как нарицательные прилагательные от того же топонима пишутся слитно, например: *Цаган Хуртэй* — *цаган-хуртинский* и *цаганхуртинский*. Объяснить эту традицию можно тенденцией к дефисному написанию по формально-грамматическому принципу, согласно которому основанием для дефисного написания может стать суффикс прилагательного в первой части топонима, например: от названия села *Усть-Эгита* — *усть-эгитинский*.

Анализ написания сложных оттопонимических прилагательных позволяет обнаружить непоследовательность. Так, мы находим дефисные написания в тех случаях, когда это обусловлено определёнными причинами, и в тех, когда дефис, на наш взгляд, довольно сомнителен.

Таким образом, условно можно выделить три группы дефисных наименований:

1) от *Шара — Горхон* → *Шара — Горхонский сельский Совет*, и т.д. В данных случаях дефис обусловлен дефисным написанием топонима;

2) от *Новая Покровка — Ново-Покровский сельский Совет* и т.д. — в первой части этих наименований есть суффикс прилагательного и потому они пишутся через дефис;

3) от *Куку-Нур — Куку-Нурский сельский Совет*, от *Хар-Нур — Хар-Нурский* т. д. — дефисное написание подобных образований по причине самостоятельности элементов структуры сложного топонима.

Однако можно обнаружить и случаи непоследовательности в отношении написания сложных оттопонимических прилагательных: от *Барун Толгой* → *Барун Толгойский; барунтолгойский; барун-толгойский*.

В данных примерах дефисные написания — свидетельство орфографического разнобоя, который до сих пор существует в практике. Ситуация осложняется и тем, что речь идёт о малых населённых пунктах, не отражённых в словарях и справочниках, и подобные написания могут быть обусловлены лишь чьим-то личным пониманием.

Стремление к максимально точному отражению в производные прилагательные основы топонима в официальном стиле проявляется также и в том, в современной оттопонимике обнаруживается тенденция к сохранению мягкости конечного согласного производящей основы. Этому способствует орфографическое правило, согласно которому *-ь* сохраняется во многих прилагательных, образованных от нерусских собственных географических названий на *-нь*, например: *тайваньский, тайваньцы* [Земская, 2006, с. 38].

По аналогии мягкость может быть обозначена и после других согласных, что позволит идентифицировать производящую топооснову в отойконимическом прилагательном. Например, оттопонимические прилагательные могут быть такими: от *Алань — аланьский, Биклянь — бикляньский, Биерь — биерьский, Булдырь — булдырьский* и т.д. (примеры из словаря Е. А. Левашова).

Топонимов с мягким окончанием производящей основы в Бурятии немного, например, в Еравне обнаружено только два: *Хоонти* и *Нохоони*. В соответствии с тенденцией мягкость в оттопонимических

прилагательных и при произношении сохраняется, и графически оформляется при помощи интерфикса –ин с начальным -и: *Хоон-ти* — *хонтинский* и *Нохоони* — *нохоонинский*. При образовании прилагательных работает интерфикс –ин и суффикс –ск.

Таким образом, оттопонимические прилагательные, являясь активно функционирующей частью современного русского языка, имеют особенности, позволяющие причислить их к особой группе слов. Данный лексико-семантический разряд необходимо изучать в пределах отдельно взятого региона, с тем, чтобы составить специальный словарь оттопонимических производных на базе наименований населённых пунктов своего региона. Необходимость составления словаря такого рода диктуется и частотностью образования этнохоронимов от оттопонимических прилагательных (способ образования — субстантивация). Выше этот процесс рассматривался.

ГЛАВА 4

ЭРГОНИМИЯ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОЛЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭРГОНИМОВ г. УЛАН-УДЭ)

В настоящее время большой интерес у лингвистов вызывает изучение состояния и функционирования языка, отражающего социально-экономические, культурные преобразования общества, особенно в отношении такого явления в языке, как язык города. Городская речь является объектом изучения с точки зрения ее взаимодействия с литературным языком, специфики речи горожан и т.д.

Для нас же представляется интересным изучение внутригородских названий, т.е. изучение ономастического пространства города, где представлен обширный пласт наименований различных объектов. Имена собственные — наиболее репрезентативные объекты комплексного изучения взаимодействия языка и культуры.

4.1. ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Имена собственные занимают особое место в системе языка, выполняя функцию выделения именуемых объектов из ряда им подобных путем индивидуализации и идентификации. Существуют разные определения термина «имя собственное». По мнению О.С. Ахмановой, «слово или словосочетание, специфическим назначением которого является обозначение индивидуальных предметов безотносительно к их признакам, т.е. без установления соответствия между свойствами обозначаемого предмета и тем значением (значениями), которое имеет (или имело) данное слово или словосочетание [Ахманова, 2010, 175]. Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова указывают на то, имена собственные служат «названиями единичных предметов, выделенных

из ряда однородных». Н. В. Подольская отмечает, что «имя собственное — слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого объекта среди других в том же классе» [Подольская, 1988, 288].

Большинство авторов отмечают следующие основные признаки, отличающие имена собственные от нарицательных: 1) имя собственное выделяет единичный предмет из ряда однородных предметов; 2) имя собственное не раскрывает признаков или свойств именуемого им объекта. Но здесь все-таки не проводится абсолютной границы между именами собственными и именами нарицательными. Теоретически каждая лексема в речи может выполнять функцию идентификации «единицы», а не только «класса единиц». То есть, она, не будучи собственным именем, может функционировать в качестве собственного имени. Также ошибочно утверждать, предполагая противоположное, что если имя собственное не раскрывает признаков или свойств именуемого им объекта, то имя нарицательное обладает такой способностью. Иначе говоря, если человек впервые слышит какое-то звуко сочетание, представляющее собой имя нарицательное, то он может вообще ничего не знать о свойствах предмета, который оно обозначает.

Традиционным подходом в определении имени собственного является определение его сущности через способность обладать лексическим значением. Проблема значения имени собственного тесно смыкается с проблемой его понятийности, так как известно, что лингвистическое значение слова формируется на базе соответствующего понятия.

Применительно к именам собственным проблема их значения исследователями решается по-разному. Некоторые исследователи считают, что имена собственные не заключают в себе ни понятия, ни значения, являясь только различающим знаком, другие выделяют лексически полнзначные слова, которые обладают полной семантической структурой и выполняют в языке одновременно две основные функции — сигнификативно-номинативную (нарицательные имена) и номинативно-опознавательную (собственные имена).

А. В. Суперанская в качестве отличительных признаков имени собственного определяет следующие: «1) оно дается индивидуальному объекту, а не классу объектов, имеющих черту, характерную для всех индивидов, входящих в этот класс; 2) именуемый с помощью имени собственного объект всегда четко определен, отграничен, очерчен; 3) имя не связано непосредственно с понятием и не имеет на уровне языка четкой коннотации... У собственных имен нет общего значения» [Суперанская, 2009, 324–325]. Исследователем подчеркивается особая связь имен собственных с понятием. Связь с понятием у имен собственных опосредована через вещь, а у нарицательного — непосредственна. И именно в способности осуществлять и передавать эту связь — основное значение любого слова, в том числе и собственного имени.

Раздел языкознания, изучающий собственные имена называется ономастика. В Словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой дается несколько значений слову «ономастика»: 1. Раздел языкознания, изучающий личные имена (имена, отчества, фамилии, прозвища людей и животных); 2. Совокупность (система) личных имен как особый предмет лингвистического изучения; 3. Раздел языкознания, изучающий личные имена [Ахманова, 2010, 288]. Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова определяют ономастику как «раздел лексикологии, посвященный изучению собственных имен» [2001, 276].

Объектом исследования ономастики являются история возникновения имен и мотивы номинации, их становление в каком-либо классе онимов, процессы трансонимизации, территориальное и языковое распространение, функционирование в речи, различные преобразования, социальный и психологический аспекты, юридический статус, формульность имени, использование и создание собственных имён в художественном тексте, табуирование.

Ономастика делится на теоретическую и прикладную. В теоретической ономастике используются различные методы языкознания: сравнительно-исторический, генетический метод устанавливает родство собственных имён, структурный метод позволяет провести

формантное исследование и исследования основ, ареальный выявляет ареалы сходных элементов собственных имён, метод ономастической картографии помогает в создании ономастических карт и использование материала карт для ономастических исследований, типологический (устанавливающий изоморфизм в онимии), региональный (исследование ономастики региона), стратиграфический, сопоставительный (сопоставление собственных имён различных языков), этимологический (применяется с ограничением: выявляется только этимон-апеллятив или первичное собственное имя), статистический подтверждает активность моделей и тенденции их развития). При исследовании собственных имён используются: приём моделирования; текстологический анализ, который применяется к специальным ономастическим текстам, где онимы преобладают над апеллятивами, и к обычным текстам, особенно древним, где необходимо разграничение собственного и несобственного имени; дешифровка текста по именам; реконструкция имени; стилистический анализ, который применяется к собственным именам в художественном тексте и в речи; приём построения словообразовательных парадигм; фонетический анализ «своих» и «чужих» собственных имён; составление специальных анкет и вопросников и некоторые другие частные приёмы. При помощи этих методов и приёмов ономастика выявляет ономастические системы, ряды, универсалии и др. Данные ономастики применяются в сравнительно-историческом языкознании, при этимологизировании апеллятивов; наложение ономастических ареалов на ареалы иных языковых явлений выявляет их несовпадение или частичное совпадение, что свидетельствует об обособленности онимов в языке.

Прикладная ономастика занимается транскрипцией и транслитерацией иноязычных имён, установлением традиционных (по произношению и написанию), переводимых и непереводимых имён, созданием инструкций по передаче «чужих» имен, образованием производных от иноязычных имён, вопросами наименования и переименования.

Хотя собственные имена были предметом внимания учёных и философов с древнейшей эпохи и на Востоке, и на Западе, ономастика получила научный статус в 30-х гг. 20 в. В настоящее время в сферу ономастики входят не только вопросы этимологии антропонимов и топонимов и др., но социальные и психологические аспекты специфицирующего именованья. Ономастика исследует морфологические, фонетические, семантические, словообразовательные, этимологические и другие аспекты собственных имён.

4.1.1. Эргонимы как часть апеллятивной лексики

В современном русском языке для обозначения особого класса слов — имен собственных, существует термин «ономастическое пространство», под которым понимается «сумма имен собственных, употребляемых в языке данного народа для именованья реальных, гипотетических и фантастических объектов». При этом все ономастические названия входят в тот или иной разряд, что обусловлено различной степенью онимизации. Поэтому в структуре ономастического пространства принято выделять ядерные и близкие к ним разряды: антропонимы, мифонимы, зоонимы, топонимы и др., и пограничные, или периферийные: эргонимы, фалеронимы, гемеронимы, хрононимы и др. [Крюкова, 2004, 20].

Собственные имена для объектов могут быть двух видов: 1) уже существующие, 2) не существующие ранее, которые необходимо придумать в определенном акте номинации. В первом случае мы имеем дело с естественной номинацией, во втором — с имьятворчеством, т.е. с искусственной номинацией. Чаще всего естественная номинация — это результат использования онимов ядерных разрядов, искусственная — результат создания собственных имен пограничных разрядов.

К собственным именам, созданным для таких специальных номинаций, относятся и эргонимы — лексические единицы периферии ономастического пространства, составляющие отдельный разряд и характеризующиеся рядом особенностей.

Эргонимами являются как названия государственных и научных учреждений, также всевозможных производственных объединений, в том числе заводов, фабрик, постоянно возникающих в последнее время фирм и т.п. Несмотря на различные мнения по поводу разграничения понятия «эргоним», нельзя не утверждать, что эргонимы являются ономастическими единицами и обладают всеми свойствами, которые присущи собственным именам. В частности, эргоним является знаком, который служит только для называния предмета и наличие содержательной стороны у которого менее заметно. Эргониму не свойственно называть группу предметов, явлений, процессов и т.д., на первый план выходит тесная связь с единичными объектами. Другими словами, классы имен собственных, обозначаемые лингвистами как искусственная ономастика (и эргонимы в их числе), обладают рядом черт, объединяющих их между собой и в то же время выделяющих эту группу онимов из ряда всех имен собственных. Именно разграничение характеристик эргонимов как специфических онимов искусственного происхождения и порождает проблемы в определении этого понятия.

Существуют различные мнения о статусе эргонимической лексикой. Ряд авторов используют термин «эргоним» для обозначения названий предприятий. Вместе с тем, существуют и другие варианты термина, обозначающего эту категорию: НКП — сокращение от «название коммерческого предприятия», фирмоним. Но исследователи трактуют его по-разному. Н. В. Шимкевич предлагает понимать эргоним исключительно в узком смысле — название предприятия как делового объединения людей, и уточняет, что название предприятия как объекта на местности или субъекта права не следует трактовать как эргоним, и выдвигает определение таких имён как топонимов и темонимов соответственно [Шимкевич, 2002, с.19].

В нашей работе мы придерживаемся определения Подольской, поскольку считаем, что оно является наиболее универсальным. Согласно «Словарю русской ономастической терминологии», эргоним представляет собой «разряд онима, собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения,

корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская, 1988, с. 127].

В отечественной науке впервые эргонимией заинтересовались Б. З. Бухчина, С. А. Копорский, М. Н. Морозова, Л. В. Щетинин и др., однако термин «эргоним» был введён позднее, лишь в 1978 году А. В. Суперанской. В последние годы интерес к эргонимам значительно увеличился. Можно выделить работы, где эргонимы исследуются преимущественно в следующих аспектах: историческом, сравнительно-сопоставительном, региональном, прагматическом, социолингвистическом и лингвокультурологическом, функциональном, при этом они рассматриваются, в подавляющем большинстве случаев, в рамках лингвистической концепции (Г. А. Донсковой, А. М. Емельяновой, С. В. Земского, Р. И. Козлова, Т. И. Кравец, И. В. Крюковой, М. В. Орловой, Д. Е. Цегельник, Н. В. Шимкевича, Д. И. Яловец-Коноваловой, Р. М. Амирова и др.).

В трудах же западных исследователей эргонимы являются объектом изучения смежных дисциплин, в частности языкознания, экономики, психологии. Исследователи обращают особое внимание на составление эргонимических словарей, справочников.

Наряду со способностью передавать значимую информацию, они также обладают способностью делать эту информацию закрытой для «непосвященных» или инокультурных восприимчивых, поскольку, имена собственные — это всегда специфические реалии, относящиеся к фоновой лексике. Ономастика почти безоговорочно относится к так называемой фоновой лексике. Как известно, для успешной межъязыковой и межкультурной коммуникации мало усвоить языковые закономерности, необходимо еще и овладеть фоновыми знаниями иноязычной культуры, иметь представление о национально-культурных особенностях народа-носителя языка. Изучение эргонимов дает возможность изучить не только специфику семантической структуры и механизм их формирования, но и обнаружить лингвокультурологическую информацию. Эргонимы являются ценным источником получения информации о культуре, так

как выявление ассоциативных рядов, с помощью которых происходит воздействие на восприятие потенциальных клиентов, позволяет лучше узнать те или иные культурные приоритеты и дает возможность понять мир национально-культурного общества.

4.2. Эргонимы г. Улан-Удэ: общая характеристика

При анализе фактического материала, собранного нами, мы обнаружили немалое количество эргонимов, связанных с региональной спецификой. Такие эргонимы изучаются в рамках региональной ономастики. Региональная ономастика — это «направление ономастических исследований, связанных с определенной территорией, с местной ономастической подсистемой; такие исследования обычно касаются одного из полей онимического пространства (редко бывают комплексными); их цель — выявление специфики имен на данной территории и связей ее имен (или типов имен) с соседними и/или даже отдаленными территориями» [Емельянова, 2007, 27].

Анализируя эргонимы с точки зрения региональных особенностей, считаем необходимым дать небольшую характеристику города Улан-Удэ. Улан-Удэ — столица республики Бурятия, входящей в состав Российской Федерации. Республика находится в Восточной Сибири и относится к Дальневосточному федеральному округу. Улан-Удэ является полиэтническим городом, в котором, кроме русских и бурят, проживают татары, украинцы, сойоты, эвенки, белорусы, армяне, китайцы и т.д., более 100 представителей разных наций. Улан-Удэ можно считать промышленным и экономическим центром республики, что не могло не отразиться на названиях коммерческих предприятий, деловых объединений, фирм.

Каждый город образует оригинальное символическое поле с определённой, свойственной только ему семантикой. Интерпретация этнокультурных элементов является одним из наиболее характеризующих показателей языкового сознания этносов, проживающих в нём, поскольку именно знаковая система именования

выступает источником этнолингвистической и исторической информации. Говоря о национально-культурной специфике, можно выделить два принципиально различных подхода к их пониманию: 1) сравнительный (национально-культурная специфика языковых явлений одного языка определяется относительно некоторого другого языка); 2) интроспективный (национально-культурная маркированность языковых явлений выявляется вне сопоставления с другими языками). Интроспективный подход предполагает наличие национальных характеристик безотносительно к специфике других языков и культур. Задача исследователя состоит в том, чтобы найти ответ на вопрос, в чем состоит национальная специфика данного языкового явления.

В данной работе предпринята попытка интроспективного анализа эргонимов г. Улан-Удэ, т.е. эргонимы рассматриваются как носители национальной культуры и отражение специфики нации. С этих позиций в настоящей работе эргонимы распределяются согласно функциональной классификации, и на основе полученных данных выводятся национально-культурные, региональные особенности.

Каждый из эргонимов выполняет комплекс различных функций и несет в себе определенный комплекс значений. Так, одна и та же лексическая единица приобретает особый смысл, становясь именем различных объектов. Например, в названии магазинов детской одежды часто используются слова, символизирующие детство, сказки, например: *Нафаня* (домовой из мультфильма), *Капитошка* (веселая капелька из мультфильма), *Гномик*, *Империя детства*, *Мультияшки* и т.д. В названиях магазина женской одежды — слова, имеющие отношение к образу девушки, женщины, обозначающие женственность: *Снежная Королева*, *Пани Моника*, *Lady SHARM*, *Ladyflirt*, *LadyMariott*, *Барышня*, *Барыня*, *LadySharm*, *Гламур* и т.д.

Эргонимы выполняют функции, присущие в ономастической системе только им: рекламную функцию и функцию побуждения. С другой стороны, ономатологи считают, что элементам эргонимической системы в силу реализации коннотативного аспекта семантики

эргонимам присуща направленность непосредственно на потенциального потребителя с целью заинтересовать его, стать объектом его внимания.

Коннотативный аспект эргонима имеет экстралингвистический характер и напрямую влияет на конкурентоспособность эргонима. На первый план в процессе номинации выходят эмоционально-оценочные отношения субъекта к эргониму: ассоциации, мотивация, экспрессия и др. К формированию коннотативного аспекта семантики эргонимов могут быть причастны различные факторы — от звуковых ассоциаций до ассоциаций, возникающих в ходе переосмысления значения.

Как отмечает Крыжановская В. А., ассоциации, возникающие при восприятии эргонима, можно разделить на прямые и косвенные. Косвенные, в свою очередь, делятся на следующие ассоциативные ряды: национально-культурный ассоциативный, региональный, культурно-исторический, социально-стратификационный, оценочный, эстетический ассоциативный, эмоционально-экспрессивный ассоциативный, художественный ассоциативный [Крыжановская, 2017].

Из вышеперечисленного можно прийти к выводу, что многие эргонимы находятся в особых отношениях с субъектами, которые их производят и интерпретируют, то есть обладают прагматикой, под которой понимается речевое воздействие адресанта на адресата.

В эргонимике существует множество классификаций коммерческих номинаций: М. Г. Курбанова распределяет эргонимы с точки зрения мотивационных установок, Т. А. Новожилова предлагает классификацию по степени точности указания эргонимов на именуемый объект (то есть по степени необходимости в составе именований номенклатурного термина),

М. Е. Новочихина обозначает три основания для классификации коммерческой номинации (по степени мотивированности, по структуре номинации — на однословные и составные, «по степени прозрачности»). Эти и другие классификации объединяет необходимость уточнения основных функций эргонима.

Эргонимы могут содержать информацию двух типов: рекламную и рациональную. Рекламная информация — это выделительно-оценочная характеристика разного рода. Рациональная информация чаще всего сообщает (прямо или косвенно) об объекте продажи (*Хлеб, СадЭм, Мужская одежда, Крыша и профиль, Шинторг* и др.), то есть выполняет информативную функцию. Исключительно на информативной функции сосредоточены описательные наименования (*Студия красоты Замураевой Марины, Стоматологическая клиника доктора Булутова, Магазин российского трикотажа* и др.). Информация об объекте продажи может быть выражена разными способами — собственными именами прямой, ассоциативной, образной и символической номинации. Стоит отметить также условно-символические имена, которые следует разделить на информативные (*Морепродукты, Магазин сельского молока и выпечки, Овощи и фрукты*), рекламные (*АвтоЛидер, Супердетки*) и рекламно-информативные. Последние эргонимы считаются наиболее эффективными, так как подобные названия информируют об объекте и в то же время дают организации высокую оценку, например, *Уют, Мебель Люкс, Сила красоты, Автосила* и др. Но такие эргонимы не всегда бывают удачны, так как существует трудность выделения определенной рациональной информации об объекте продажи. Например, на сегодняшний день существуют многопрофильные организации, предлагающие разнообразные товары, и они не могут иметь информативных названий, так как единственная рациональная информация, которую могут содержать такие эргонимы — указание на многообразие предлагаемого ассортимента: *Все для дома, 1000 мелочей* и др. В большинстве случаев многопрофильные фирмы вынуждены использовать только рекламные названия: *Титан, Абсолют, Вегос-М, Смит* и др. Рекламные названия используются в эргонимике очень широко для объектов различного профиля деятельности, в том числе и для тех, которые могли использовать информативные эргонимы, так как номинаторы считают рекламные наименования более броскими и запоминающимися.

Информативность эргонима по-разному воспринимается и оценивается номинаторами и потребителями. Многие исследователи согласны с тем, что номинаторы зачастую преувеличивают значение рекламной стороны эргонима, поэтому стараются создавать яркие и броские названия. С точки зрения номинаторов, наиболее успешными будут наименования, содержащие в себе множество значений. В то же время для потребителя гораздо важнее именно информативность эргонима. Поэтому, как показывает статистика, в настоящее время наблюдается заметная тенденция к увеличению числа информативных эргонимов. Из всего количества собранных нами эргонимов, основную долю составляют информативные эргонимы (76.3%).

Для того чтобы реализовать рекламную функцию, номинатор использует множество различных средств, наиболее универсальными среди которых являются: лексические средства других языков, структурно-словообразовательные средства и, наконец, графические средства. Особое графическое оформление эргонима зачастую становится сопутствующим средством создания рекламного эффекта. В основном используется латиница, заглавные буквы графический рисунок начертаний букв и знаков, составляющих единую стилистическую и композиционную систему. Обычно оно применяется как дополнение к семантико-стилистическому или другому средству (*BuuzRoom, ZAM, Kapriz, Dari_Luxe, M.O.D.N.O* и др.)

Таким образом, с точки зрения коннотативного аспекта семантики можно выделить эргонимы прагматические и непрагматические. В свою очередь, непрагматические делятся на информативные и неинформативные. Данную функциональную классификацию эргонимов дает Н. В. Шимкевич [Шимкевич, 2002]. Важно отметить, что периферию эргономического поля составляют неинформативные и нерекламные эргонимы. К числу таких наименований можно отнести эргонимы-аббревиатуры и имена-ребусы.

Непрагматические эргонимы представляют собой такие эргонимические единицы, мотивы номинации которых лишены каких-либо

ассоциаций по поводу качества продукции или работы компании; для них характерны формальные средства заложенной информации.

Непрагматические эргонимы делятся на:

— информирующие — сообщают сведения о роде занятия фирмы. Эта подгруппа подразделяется на два функциональных класса:

1) информирующие значимые — дают описание деятельности фирмы, иногда также указывают на ее географическое местоположение. Например, *Багша* — образовательный центр («багша» с бурятского переводится как «учитель»), *Модон* — компания по производству деревянной мебели («модон» переводится как «дерево»), *Торгон ОЗ* — магазин по пошиву одежды («торгон» — «ткань», ОЗ — автомобильный код Бурятии), *Буряаднааданхай* — компания по продаже развивающих игрушек на бурятском языке («буряад» — «бурятский», «нааданхай» — «игрушка») и т.д.;

2) информирующие незначимые — сообщают сведения о фирме, не относящиеся напрямую к роду ее деятельности. Часто такое название может ассоциироваться с владельцем или учредителем, или сообщать какие-то сведения о структуре фирмы, а также иметь вид А&В, А и В: *Баур и К* (продовольственный магазин), *Darima_moon_design* (студия по пошиву одежды), *У Баура* (закусочная) и т.д.;

— неинформирующие — не содержат никаких сведений о фирме, понятных сразу, без дешифровки. Эргонимы этого класса делятся на два типа: первый представляет собой знаменательные слова, никак не ассоциирующиеся с товаром или услугами, оказываемыми фирмой, например: *Алан Гуа* (дизайн-ателье), *Дари* (центр системной медицины), *Номин* (салон-парикмахерская). Ко второму классу относятся нераспознаваемые в речи новообразования. Бурятские эргонимы, относящиеся к этому классу, мы не обнаружили.

С учетом того обстоятельства, что прагматический эргоним может содержать как сведения, описывающие деятельность фирмы, так и те, которые к ее деятельности напрямую не относятся, распределение эргонимов по признаку наибольшего предоставления информации о работе фирмы и, следовательно, наибольшего воз-

действия, могущего убедить адресата воспользоваться именно ее услугами. Таким образом, эргонимы, не дающие никакой информации, попадают в подкласс неинформирующих, дающие информацию, не относящуюся к роду деятельности фирмы — в группу информирующих незначимых, дающие информацию, (в том числе) относящуюся к роду деятельности фирмы — в группу информирующих значимых. Если же эргоним содержит, помимо любой другой информации, прагматическую часть, он относится к группе прагматических эргонимов.

В класс прагматических эргонимов попадают эргонимы, наделенные прагматикой, т. е. характеризующиеся ярко выраженным моментом речевого воздействия на адресата. Класс прагматических эргонимов подразделяется на два подкласса:

— прагматические информативные — сообщают некую проверяемую дополнительную информацию о предприятии, не имеющую прямого отношения к роду деятельности этого предприятия, но помогающую созданию у адресата позитивного образа предприятия. Это может быть, например, информация о расположении фирмы в пределах города или указание на место фирмы в более крупной структуре. Иногда эргоним может конкретизировать сферу деятельности фирмы. Например: *ART-MODON* (производственная компания), *Алтан Гар* (стоматологическая клиника), *Амара* (туристическая компания) и т.д.

— прагматические ассоциативные эргонимы — это эргонимы, которые выстраивают положительный ряд для товара либо услуги, продаваемых фирмой (в самом широком понимании, включая и удовольствие, которое клиент должен получить по совершении акта купли-продажи) и которые призваны влиять на имидж фирмы, сообщая сведения непосредственно о ней, уровне её работы и т.п.

Эргонимы этого подкласса стремятся повлиять на выбор адресата в пользу той или иной конкурирующей фирмы, не обращая к его логическому мышлению, а воздействуя на него через ассоциативный фон, создаваемый эргонимом. Внутри подгруппы можно выделить три функциональные группы:

1) ассоциативно-информативные — подобно прагматическим информативным эргонимам, они сообщают адресату дополнительную информацию для формирования положительного отношения. Но, в отличие от предыдущей группы, здесь эта информация носит принципиально непроверяемый, субъективный и не поддающийся стандартизации характер. Все эргонимы этого класса делятся на две разновидности.

Первая «рекламирует» продаваемый товар или услугу (например, Эжынхоол, что означает «мамина еда», это говорит о том, что еда в данном заведении вкусная, «как у мамы», *Алтан Газар* — «Золотая земля» — название жилого комплекса и т.д.) и вторая — профессионализм и стиль работы сотрудников фирмы (*Алтан Гар* — «золотые руки», *Амтатай бууза* — «вкусные буузы» и т.д.);

2) социально обусловленные — эргонимы, эксплуатирующие разнообразные философские, политические, социальные и т.п. идеи, имеющие хождение в массах и чаще всего носящие характер мифологем. Например, это апелляция к национальным чувствам, так называемая «опора на традиции» (*Би Буряад* («Я бурят») — ателье, *Буряад соёл* («Бурятская культура») — региональная общественная организация и т.д. Для социально обусловленных эргонимов характерно использование англицизмов как названий или их элементов, причём как фонетических, так и графических: *Darkhan Gold* — ювелирная мастерская, *Dari Print* — рекламное агентство, *Altan shop* — магазин женской одежды, *BAYAN BRAND* — магазин одежды с национальными элементами и т.д.

3) культурно обусловленные — в отличие от предыдущей группы, этот пласт эргонимов опирается на то, что принято относить к категории вечных ценностей, не зависящих от конъюнктуры — произведения литературы и искусства, различные исторические реалии и т.п. В остальном — принцип действия прагматического механизма эргонима тот же, что и во всём подклассе ассоциативных эргонимов: создание не логических схем, но образов и ассоциаций, благотворно влияющих на имидж фирмы: *Алан Гуа* (дизайн — ателье). Алан-гуа —

легендарная прародительница монгольских, калмыцких (ойратских) и бурятских родов. По легенде была дочерью Хоридой-Мэргэна, основателя племени хори. Дари — региональная организация многодетных семей. «Дари» переводится как «освободительница», также это имя божества (Ногоон Дара Эхэ, Сагаан Дара Эхэ), способствующего также семейному благополучию.

Что касается структуры эргонимов, то среди компонентов, составляющих современный эргоним, можно выделить обязательные и необязательные. Первым обязательным компонентом является само наименование городского объекта. Помимо самого названия комплексного городского объекта, у эргонима в структуру включается номенклатурный термин, или слово-сопроводитель: торговый центр, ресторан, кафе, магазин и т.д. До недавнего времени важным для восприятия являлся непосредственно сам эргоним, поэтому слова-сопроводители или отсутствовали, или были однотипными (магазин, парикмахерская, столовая, аптека и др.), а иногда представляли собой номинатив (заведения Аптека, Чайхона, Кафе, Магазин и др.).

Однако сегодня многие номинаторы обращают особое внимание на слова-сопроводители, создавая новые номенклатурные термины, обозначающие городские объекты. Нередко это названия являются производными от уже известных и общепринятых слов категориального значения: антикафе (кафе, где платят за время пребывания), ресто-бар, караоке-бар, фермерский магазин и др. Подобные окказиональные слова-сопроводители предшествуют названиям-символам, которые не отражают особенности деятельности заведения (пример).

В последние годы отмечается тенденция к появлению новых слов-сопроводителей. Так, это могут быть:

1) иноязычные заимствования: shop или шоп (слово shop с английского переводится как «магазин») — самое частотное по использованию иностранное слово: *CoffeeShop*, *Тейлор шон*, *showroom* или шоу рум (слово *showroom* образовано сочетанием двух английских слов: *show* — демонстрация, показ, выставка, *room* — комната, помещение, квартира. То есть, в буквальном переводе шоу рум — это

комната для показа. Это салон одежды, предполагающий не только продажу, но и демонстрацию изделий, чаще всего дизайнерской женской одежды). Например, *BYANKA SHOWROOM № 1, Шоу-рум брендовой одежды из Европы* и др. Мода диктует свои правила и в сфере номинации. В последнее время среди молодежи появилось новое модное течение вейпинг (от английского *vaping* — «парение») — процесс курения электронной сигареты, испарителей и других подобных устройств. И с ростом популярности этого течения возрос и спрос на вейпы — электронные сигареты и мини-кальяны. Так появились различные *vapeshop* (магазин электронных сигарет): *U2vape, Onvape, VapeStore* и др.

2) сложные единицы, образованные на основе средств русского языка.

Номинативы и номенклатурные термины считаются обязательными компонентами современного эргонима. К необязательным можно отнести дополнительную информацию об объекте, оформленную в форме слогана, подписи или комментария к эргониму, что роднит с рекламным текстом. Некоторые номинаторы стремятся создать не только эргоним, но и прецедентный образ, как в случае с эргонимом гриль-бара *ШашлыкоFF*, слоганом к которому является фраза #ЗДЕСЬ ВСЕ, произнесенная известным медийным лицом.

Словообразование эргонимов представляет собой явление, включающее в себя семантические связи в лексической системе, традиционные грамматические модели словообразования и переход группы онимов из одного ономастического пространства в другое. В образовании наименований предприятий и организаций участвует большинство пластов ономастической лексики, в эргонимике отражаются практически все лексико-семантические явления, характерные для лексической системы языка в целом.

Н. В. Подольская о семантическом способе образования онимов отмечает следующее: «Семантическая онимизация — процесс, происходящий без формальных изменений структуры апеллятива — он не относится к словообразовательным процессам, а определяется

как семантическое словообразование» [Подольская, 1988, 90]. Грамматическую онимизацию исследователь определяет как соединение словообразовательных морфем или основ, синтаксических способов словообразования. Теоретическая модель словообразования онимов, предложенная Н. В. Подольской, расширилась семантическими и грамматическими способами образования новых названий. Исследователи указывают на два основных способа образования эргонимов: семантическую и грамматическую (или собственно словообразовательную) онимизацию, которые характеризуются наличием большого количества словообразовательных моделей. А. М. Емельянова выделяет семантические и грамматические способы образования эргонимов. Семантический способ образования, по мнению исследователя, характеризуется переносом готовых единиц языка на название предприятия, учреждения, общества. Данный способ представлен эргонимами-словами, эргонимами-словосочетаниями и эргонимами-предложениями [Емельянова, 2007, с. 65–66]. Семантическая трансонимизация — один из самых продуктивных и популярных способов образования эргонимов. Обширная группа наименований ономастического пласта переходят в эргономическое пространство языка, образуя новые названия.

Эргонимическая система г. Улан-Удэ характеризуется большим количеством наименований, образованных в основном от антропонимов и топонимов. Другим способом является семантическая онимизация — переход одного апеллятива или апеллятивного словосочетания через смену функции в имя собственное и его дальнейшее развитие в любом классе эргонимов. Данная разновидность семантической классификации в корпусе эргонимов представлена двумя основными типами: метафорой и метонимией. Самым продуктивным считается грамматический способ образования эргонимов. Он представлен следующими традиционными словообразовательными моделями: синтаксической, лексико-синтаксической, лексико-грамматической и лексикализацией. Как показывает анализ материала, теоретические модели образования онимов, представленные в ономастических ис-

следованиях, могут быть успешно применены и в процессе изучения улан-удэнского эргонимического комплекса. Лексико-семантическая классификация ономастических единиц в лингвистике — важный этап работы, в процессе которого отбираются подлежащие изучению названия, производится членение онимов. Учеными разработано несколько типов классификации эргонимов. Одни, опираясь на классическую классификацию собственных имен, выделяют две группы эргонимов: мотивированные и немотивированные. Другие, анализируя эргонимы по региональному признаку, отмечают, что целесообразно сочетание лексико-семантического и словообразовательного принципов анализа: первый выделяет богатство лексики русского языка, позволяет устанавливать закономерности в принципах номинации, а второй определяет словообразовательные ресурсы эргонимии как отдельного пласта лексики языка. А. М. Емельянова предлагает собственную классификацию эргонимов, в основе которой лежит учет семантических (генезис названий и значение), словообразовательных особенностей, номинации эргонимов, возникающих в связи с существованием их на определенном уровне [Емельянова, 2007, с. 57].

При рассмотрении способов создания коммерческих названий следует иметь в виду, что источников у нового названия всего два: 1) слова актуальной лексики языка; 2) создание нового слова с опорой на словообразовательные ресурсы конкретного языка или заимствованную лексику.

Анализ эргонимов г. Улан-Удэ позволяет сделать вывод о преобладании названий первого типа. Второй тип, т.е. образование названий в процессе морфемной деривации, представлен малым количеством. Например, сюда с некоторой долей условности можно отнести эргонимы, образованные путем словосложения («*Мебель-Москва*», «*Фото-Мария*»). В большинстве случаев в качестве названия используется готовое слово.

Рассмотрим подробнее основные способы образования эргонимов и использование актуальной лексики бурятского и русского языков в процессе номинации коммерческих предприятий.

1. Операционный способ образования — сложение. Например: *TANGO & со*, *Zima & Leto*, *Мастер шеф*, *Светлое & Темное* и т.д. Примером региональных эргонимов могут послужить такие названия, как *Бууза Room*, *Улан-Удэнская одежда*, *Шулэн & Бууза*, *Мама biuza* и т.д. Особо следует выделить сложные слова с компонентом шэнэ — «новый», бууза — «национальное блюдо»: *Бууза Room*, *Буузы House*, *Biuza Вао*, *Бууза time* образованы способом сложения бурятского слова и иностранного. А для эргонимов *Шэнэ бууза*, *Буряад бууза*, *Амтатай бууза*, *Хаан бууз*, *Халуун бууза*, *Хатан бууз*, *Буузын гэр*, *Оронгойские буузы* производящим являются словосочетания, чаще адъективные: прилагательное + существительное. Следует заметить, этот способ активно используется при образовании региональных эргонимов.

2. Субстантивация. Данный способ обозначает переход разных частей речи в разряд онимов, вследствие чего они становятся существительными. Среди изученных эргонимов было выявлено достаточно много наименований, образованных от прилагательных (9% от общего количества). Это магазины «*Хороший*», «*Южный*», «*Северный*», «*Домашний*», закусочная «*Вкусный*», магазин штор и тюлей «*Уютный*» и пр.

3. Лексико-синтаксический способ (8% от общего количества названий). Данный способ используется для создания эргонимов на базе словосочетаний и предложений. Названия из нескольких слов являются более информативными и семантически развернутыми.

В группу словосочетаний существительного с прилагательным можно выделить следующие названия «*Уютный дом*», «*Теплый сервис*», «*Вкусный попучик*», «*Веселый шарик*», «*Милый сад*» и пр. Словосочетание с родительным определительным представлено названием «*Дары Алтая*», «*Дары природы*», «*Сила музыки*», «*Вкус моря*» и пр. К нумеративным словосочетаниям относятся номинации «*Торгон 03*», «*4Угла*», «*4 сезона*», «*888 мелочей*», «*7 гномов*», «*Барбекю 47*» и пр. Предложно-падежные конструкции представлены в названиях «*У Баира*», «*У дяди Миши*», «*Для вас*», «*Вокруг света*», эргонимы-

предложения — «Хочу бургер!», «Кто подставил кролика Роджера», «Учись на 5!», «Бери кофе» и пр.

4. Лексико-семантическая онимизация. Это самая большая группа среди рассмотренных эргонимов (69% от общего количества). В эргонимии выделяют несколько типов семантической онимизации. Простая лексико-семантическая онимизация — это описательные, предметные названия, они прямо называют объект номинации, сообщают о его главных функциях. Так, например, наиболее частотным оказалось название «Продукты». Практически в любом районе города можно увидеть магазины с данным названием. Наряду с ним отмечены названия, конкретно указывающие на продаваемую продукцию. Например, «Автошины», «Магазин штор», «Морепродукты ОЗ», «Хонхолойское молоко», «Хлебушек», «Мясной», «Мебельный рай» и пр.

Распространенным типом лексико-семантической онимизации является символическая номинация, чаще всего представленная метонимической или метафорической онимизацией. Метонимическая онимизация — один из самых популярных приемов создания эргонимов. Название, созданное на основе метонимического переноса, лучше всего передает связь между объектом и его названием, являясь при этом продуктивным с точки зрения прагматики. К метонимической онимизации можно отнести следующие наименования: «Вкусняшка», «Ум-няша», «Нямняшка», «Красавчик» и т.д.

Метафорические эргонимы связывают явления, действия, признаки. Среди метафорических выявлены такие номинации, как «Гурман», «Умный ребенок», «Сытый хан», «Авоська» и пр.

Следующий тип в этой группе — это трансонимизация. Она заключается в переходе онима из одного разряда имени собственного в другой. Здесь можно выделить несколько классов эргонимов. Чаще всего названиями эргонимами становятся:

— антропонимы — любые собственные имена, которые может иметь человек (или группа людей), в т.ч. личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним. Выявлены факты использования как женских, так и мужских имен: продуктовые магазины «Номина»,

«Туяна», «Дари», «Мария», «Юлия», «Надежда», «Диана», «Елена», «Лиза», «Анюта», «Сэлмэг», «Дарина», «Аленка», «Николаевич», «Масим», «Сарана», магазины женской одежды «Ольга», «Айлана Арт», «Татьяна», «Ариадна», магазины мужской одежды «Алекс», «Андрей», кафе «Шеринэ», ресторан «Ресторация Скрыльниковой А. А.» и т.д.

— эргонимы, в составе которых присутствуют топонимы — названия географических объектов: магазин мужской и женской одежды «Турция для Вас», «Монголия», торговый дом «Верхнеудинск», сеть универсамов «Николаевский», кафе «Сэлэнгэ», магазин фермерских продуктов «Аргада», производственная фабрика «Селенга», сеть магазинов «Байкал», бизнес-центр «Бурятия», продуктовые магазины «Хоринские мясопродукты», «Ушхайта», «Аргада», «Белорусские продукты», рестораны «Чань-Чунь», «Сидней» и др.

— эргонимы, в составе которых присутствуют названия-мифонимы: кафе «Али-Баба», туристическая компания «Гэсэр-тур», оптово-розничный центр «Минотавр», продуктовые магазины «Зевс», «Пегас», магазин мужской одежды «Камелот», праздничное агентство «Алладин» и т.д.

— эргонимы, в составе которых присутствуют названия, образованные от зоонимов: спортивный клуб «Арсалан», «Медведь», охранное агентство «Тигр», «Ястреб», «Сова», «Скорпион», производственная компания «Беркут», бутик молодежной мужской одежды «Дикий койот», туристическая компания «Морин тур» и др.

4. Последняя группа данной классификации — это заимствование (14%). Следуя общеязыковой тенденции, в последнее десятилетие при создании эргонима часто прибегают к использованию иноязычной лексики: «Art Coffee», «Voyage», «Like», «China House» и пр. Отметим, что в задачи коммерческого эргонима входит не только привлечение внимания потребителя, но и воздействие на его выбор. На первый взгляд, может показаться, что название не является главным в выборе места, например, покупки, важнее ассортимент, цена, близость расположения. В современных реалиях наблюдается достаточно высокая конкуренция в торговой сфере, и владельцам магазинов нужно иметь

в виду, что при прочих равных условиях покупатель скорее выберет магазин с приятным для него названием, нежели с названием, вызывающим отторжение. Логичным будет сделать вывод, что при создании названия магазина следует проанализировать возможные мотивы, которыми будут руководствоваться потенциальные покупатели при посещении магазина, изучить их потребности.

Таким образом, с лексико-семантической точки зрения эргонимы г. Улан-Удэ представлены многообразием типов наименований. По составу самым большим пластом является группа лексико-семантической онимизации — этим способом образована основная часть эргонимов г. Улан-Удэ. Среди всех способов лексико-семантического характера самой продуктивной считается трансонимизация антропонимов, топонимов и других онимов в эргономическую систему.

4.3 Эргонимы Улан-Удэ: функциональный аспект

Мы придерживаемся функционального подхода в вопросе разграничения имен собственных и имен нарицательных, так как именно «функция имени является основанием категориального деления имен собственных и нарицательных. Функция имен собственных — функция единичного имени, призванного выделить единичный денотат из класса «однорядовых», функция имен нарицательных — функция общего имени, которое формирует эти ряды (классы) денотатов, определяя их границы. А. В. Суперанская называет более 30 функций имен собственных. Помимо речевых (коммуникативной — сообщение; апеллятивной — призыв, воздействие; экспрессивной — выразительность; дейктической — указательность), ученым выделяются также специфические ономастические функции, имеющие экстралингвистический характер: идентификации объекта, социальной легализации личности, ритуальная, идеологическая, эмоциональная [Суперанская, 1972, с. 73]. Кроме основной функции имени собственного, эргонимы выполняют и особые функции, свойственные только ей. Функции эргонимов вытекают из специфики собственных имен

вообще и определяется целью номинатора. Выделяются следующие функции эргонимов:

1. Номинативно-выделительная, или назывная функция, которая является первичной, основной языковой функцией всех имен собственных.

Безусловно, каждое деловое объединение людей требует своего собственного имени для того, чтобы окружающие смогли выделить, узнать данное заведение (идентифицировать) и отличить его от числа других подобных объединений (дифференцировать). Например, Шэнэхээнамта — не смотря на множество заведений бурятской национальной кухни, здесь делается акцент на то, что там подаются именно шэнэхэнскиебуузы. Или же, например, большое количество стоматологических клиник обуславливает необходимость появления у данных учреждений разнообразных названий: *Дентапроф, ДенталКидс, ВиваДент, Зубной, Жемчужина, Дантист, Новадент, СтоматолоГия, Дента Люкс*. Таким образом, эту функцию эргонимов можно охарактеризовать как идентификационно-дифференцирующую.

2. Информативная функция. Каждое название наполнено своей информацией. Так, эргонимы могут ориентировать человека в пространстве, указывая на месторасположение фирмы. Однако чаще эргонимы несут информацию другого рода: 1) сообщают о специфике объекта (об ассортименте товаров или услуг) (*Сэбэрхэн, GOYO, Байгалтрэвэл, Окна столицы, Строй-сервис, Мастер Оптик, Оптика Сэсэг*). Объект продажи может быть обозначен прямо (*Центр кровли и фасада, Мир окон и дверей, Центр-Пакет*), метафорически (салон мебели *Апартамент*), метонимически (домовая кухня *Пышка*), ассоциативно (агентство охраны *Волкодав*) и др.; 2) ориентируют на определенного клиента, косвенно характеризуя адресата: *Баян Бэри* (богатая невестка), магазины *Ластик, Хозяюшка, Сладстена, Женская одежда*, 3) обозначают объект продажи, услуг через название субъекта, производящего или предлагающего товар (юридическая фирма *Автоюрист*, стоматологическая клиника *Дантист, Алтан* (золотой)

ювелир, *UlanLak* (красный лак)); 5) называют место производства товара (*Байкал Мебель, Дары Алтая*).

3. Рекламная функция. Эргонимы в основной своей массе являются рекламными именами. Подобные названия призваны привлечь, заинтересовать, заставить откликнуться человека как потенциального клиента. Часто, эргонимы с рекламной функцией состоят из заимствований, либо в его состав входят заимствованные элементы, для оформления используется графическая репрезентация (стоматологическая клиника *Whitesmile*, кафе *ВкусноFF*, коллегия адвокатов *Доверие*, *Арт Студия А. Разуваева*, магазин канцелярских товаров *Ластик, Скрепочка, Бууза Room, Zam, GOYO* и др.). Рекламная функция первична для всех эргонимов.

4. Эстетическая функция. Эргонимы с эстетической функцией призваны вызывать положительные ассоциации, сообщать об объекте наименования нечто необходимое, полезное, новое или необычное, усиливать отличительные свойства объектов за счет различных приемов языковой игры, графического оформления (*Байкал Наран тур, Эжынхоол*, центр косметологии *Арт клиник* и др.)

В первую очередь такие имена получают предприятия бытового обслуживания: магазины, гостиницы, рестораны, кафе и др.

5. Помимо назывной, информативной и рекламной, выполняют ещё мемориальную функцию (в названиях отражаются имена учредителей, исторических личностей, названия популярных музыкальных групп, любимых песен, известных художественных фильмов и пр.): стоматологический центр *Концептуальная клиника Оюн Спасовой*, ресто-бар *Кто подставил Кролика Роджера* (комедийный художественный фильм, выпущенный в 1988 году компаниями «Touchstone Pictures» и «Amblin Entertainment», обладатель 4 премий «Оскар»), ресторан *Чингисхан* (основатель и первый великий хан Монгольской империи, объединивший разрозненные монгольские и тюркские племена; полководец, организовавший завоевательные походы монголов в Китай, Среднюю Азию, на Кавказ и Восточную Европу), мьюзик-паб *Чаплин* (американский и английский киноак-

тёр, сценарист, композитор, кинорежиссёр, продюсер и монтажёр, универсальный мастер кинематографа, создатель одного из самых знаменитых образов мирового кино — образа бродяги Чарли), караоке-клуб *Челентано* (итальянский музыкант, киноактёр, эстрадный певец, кинорежиссёр, композитор, общественный деятель и телеведущий), ресто-клуб *Che Guevara* (латиноамериканский революционер, команданте Кубинской революции 1959 года и кубинский государственный деятель) др.

6. В связи с появлением большого количества частных фирм, в условиях рыночных отношений и жесткой конкуренции названия выполняют и функцию охраны собственности. Эргонимическая система во многом зависит от государственного регулирования. Внутренняя форма становится обязательным компонентом семантической структуры наименования, подчиняется традиционной или даже специально разработанной регламентации и в соответствии с развитием общества регулярно обновляется путем переименований. Так, названия охраняются специальными законами: в российском законодательстве приняты Федеральный закон «О наименовании географических объектов» (от 18.12.1997 N152-ФЗ (ред. от 30.12.2015)), Федеральный закон «Закон о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (от 23.09.1992 N3520–1 (ред. от 11.12.2002, с изм. от 24.12.2002)) и Федеральный закон РФ от 08.08.2001 N129-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019), регулирующие процесс эргонимической номинации и последующее функционирование названий.

На сегодняшний день известны следующие правила, регулирующие названия предприятий и вызывающие оживленные дискуссии среди исследователей: запрет использования в наименовании предприятия слов «Россия», «Российская Федерация», «федеральный», названий зарубежных государств и слов, производных от таких наименований, а также слов, обозначающих субъекты Российской Федерации; допущение одинаковых наименований у предприятий

разных организационно-правовых форм и у предприятий, функционирующих в разных сферах.

Что касается орфографических особенностей эргонимов, здесь все сводится к употреблению прописной буквы. Существующие на сегодня рекомендации по орфографическим нормам характеризуются слабой научной разработанностью и сбалансированностью и содержат ряд противоречивых положений (в особенности если говорится о написании с прописной буквы наименований предприятий). На данный момент преобладает следующая точка зрения: первое слово собственно наименования предприятия (независимо от структуры наименования, от того, к какой лексикосемантической группе оно относится) следует писать с прописной буквы, когда оно в письменной речи функционирует без указания его организационно-правового статуса. Другие нормы написания отдельных составных частей эргонима до сих пор остаются предметом обсуждения. Вместе с этим, нарушения орфографических и ряда других норм в зафиксированных оригинальных эргонимах считаются оправданными, правомерными и имеют убедительную аргументацию.

По мнению большинства исследователей, функция информативности для коммерческого эргонима является приоритетной. Многие авторы (Б. З. Букчина, Г. А. Золотова, И. В. Крюкова и др.) отмечают, что именно рациональная информация играет главную роль при продаже товара. В последнее время наметилась вполне определенная тенденция к увеличению числа информативных эргонимов. Названия фирм, ничего не говорящие об объекте продажи, все чаще получают информативные.

Ещё более эффективным становится эргоним, если он выполняет одновременно информативную и рекламную функции. Иногда эти функции проявляются в той или иной степени, перекрывая друг друга, сводя одну из них к «нулю». Реализация данных функций поляризует современную эргонимию, разделяя на зоны наименований следующих типов: информативные, рекламные, рекламно-информативные. Последние могут вызывать ассоциацию с главным

денотатом, однозначность которого может колебаться (например, магазин аксессуаров Дамское счастье, фирма бесплатной доставки продуктов питания Добрая авоська), и со значениями других слов (хозяйственный магазин Домовой, охотничий магазин Охотник и рыболов).

Таким образом, функции городских эргонимов различны, но все они имеют важное значение для ономастического пространства города. Отличительной чертой данных онимов является наличие прагматических функций: информативной, рекламной, мемориальной, эстетической и функции охраны собственности. Чем больше функций может быть заключено в эргониме, тем скорее номинатор достигает своей главной цели — привлечения внимания клиента.

4.4 Эргонимы Улан-Удэ: лингвомаркетинговый аспект

В современной науке в результате взаимодействия языка с различными сферами деятельности человека появляются комплексные дисциплины — лингвокультурология, психолингвистика, дискурсология, когнитивистика, коммуникативистика, антропоцентрическая лингвистика, медиалингвистика, юрислингвистика, онтолингвистика и др. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть эргонимы на стыке языка и маркетинга.

Впервые термин «лингвомаркетинг» был использован Д. С. Скарневым в диссертации на соискание степени доктора филологических наук «Языковые средства создания образа в рекламном дискурсе: семантический, прагматический, маркетинговый аспекты». Необходимость введения нового термина он объясняет «потребностью в выделении новой области знаний о языке рекламы — лингвомаркетинга, что обусловлено активностью маркетинговых коммуникаций в коммуникационных процессах, протекающих в обществе, и спецификой рекламеики как неотъемлемой части медийного пространства, актуализирующего развитие современного русского языка» [Скарнев, 2015, 15].

По мнению Скнарёва Д. С., лингвомаркетинговый аспект учитывает соответствие языковых средств, формирующих полноценный образ товара, следующим критериям: понятности и доступности для восприятия целевой аудитории, позиционированию бренда и его имиджу, индивидуальности продукта, созданию соответствующих, связанных с ним, маркетинговых ассоциаций в сознании потребителя, запоминаемости и адресности.

В лингвомаркетинге культура потребителя базируется на сложившихся впечатлениях и уже известных сведениях об объекте, товаре и т.д. Соответственно, реципиенту не требуется разъяснять, что такое, например, аптека, банк, антикафе, шоурум и т.д. Данный исходный образ продукта дополняется рекламной ремой, рождая «полноценный» рекламный образ. Новые сведения дают возможность выделить объект, назвать его отличительные характеристики, закрепить образное представление о нем в потребительском сознании. Основными единицами лингвомаркетинга выступают такие вербальные компоненты, как текстовые единицы рекламного сообщения (бренд-нейм, заголовок, слоган, информационный блок, кода, эхо-фраза). Они же выступают, в свою очередь, текстовыми единицами (частями/средствами) маркетинговой коммуникации, в системе которой осуществляется рекламное воздействие.

Лингвомаркетинг использовался при изучении языка рекламы, но также он может использоваться и при изучении эргонимов, так как у них есть общая задача — рост воспринимаемой ценности продукта. Каждая условно разделенная группа эргонимов может выполнять не одну определенную функцию, а несколько одновременно. И не смотря на существование множества функций, считаем, что эргонимы призваны все же выполнять одну общую, важную функцию для любой организации — лингвомаркетинговую, которая объединяет в себе и информативную и рекламную функции. Так как реклама представляет собой неотъемлемую часть медийного пространства современного общества, она отражает различные аспекты жизнедеятельности человека: аксиологические, социаль-

ные, культурные, исторические, психологические, этические, эстетические, нравственные и др. Поэтому можно считать, что все же рекламная функция преобладает над информативной. В названиях коммерческих организаций г. Улан-Удэ можно встретить как названия с явной лингвомаркетинговой функцией, так и просто рекламной и информативной функциями. Из собранной нами картотеки из 1350 единиц, только 22% (297) отражают в себе лингвомаркетинговую функцию, причем эти названия появились относительно недавно. Это можно проследить по модным тенденциям в процессе номинации (использование иностранных слов, использование коротких предложений в названиях) и маркетинге. Например: магазины женской одежды *INSPIREGIRLS, BYANKASHOWROOM № 1, Ifnotwe, Такрада, Ваш TRANDY стиль*, магазины молодежной одежды *HardStore, Strekozza, Voice of basic* (студия дизайнерской одежды и аксессуаров), *Зов улиц, BetheBest*, магазины национальной одежды *В стиле этно, BAYAN BRAND, Nomads shop, Veter Barguzin, SEBER ZON, ZAM*, кафе и рестораны *Big Lake Bar, Funky Monkey, Сузмаа, Ресторация Скрыльниковой А. А., Галерея Tapas&Wine, Head Shot Bar, Snoору`s Burgers, Ньюмаг, Будамшуу, Алтан Бургэд*, стоматологические клиники *ДенталКидс, Жемчужина, ArtSmile, Стоматологическая клиника доктора Булутова, Стоматолог и Я, White&Smile 03* и т. д.

Лингвомаркетинговый аспект эргонимов направлен на определенный результат — создание эффективного названия, гарантирующего отклик реципиента и обратную связь с номинатором. Лингвомаркетинг базируется на обращении к текстовым единицам рекламы, а в нашем случае — эргонимам. Вследствие этого в построении коммуникации важно оперирование понятными, доступными целевой аудитории воздействия языковыми средствами, формирующими эффективный образ, отвечающий определенным критериям, среди которых: соответствие позиционированию бренда и его имиджу, индивидуальность, вызывание соответствующих лингвомаркетинговых ассоциаций, запоминаемость, ориентированность на потребителя с учетом гендерного фактора, возможность его реали-

зации в международной коммуникации (кросскультурный фактор). Исследование в лингвомаркетинговом аспекте основано на исследовании эргонимов как явления универсальной национально-специфической картины мира, учитывающей соответствие языковых средств, формирующих полноценный образ объектов г. Улан-Удэ с национальной спецификой.

4.5 Эргонимы Улан-Удэ в региональном освещении

Ономастическое пространство меняется из года в год, от этноса к этносу за счет появления в нем различных имен для обозначения объектов разных сфер деятельности человека. В современных исследованиях по ономастике чётко прослеживается региональный подход к анализу эргонимов. В работах лингвистов разрабатываются следующие концепции исследования эргонимов: общие проблемы современной эргонимии, комплексный анализ эргонимов, структура, образование и функционирование эргонимов, их семантические и прагматические особенности.

Проблема языкового выражения национальной и региональной идентичности явилась следствием советского периода в истории нашей страны, когда практически полностью нивелировались национальные особенности жителей полиэтнической страны во всех сферах жизни и деятельности людей. В последствии, в современном обществе проблема национальной идентичности проявляет себя на всех уровнях жизни: в организации быта, истории и языке народа.

Понятие «идентичность» имеет несколько значений: индивидуальность, тождественность и целостность, единство, социальная солидарность и т.д. В рамках нашего исследования под идентичностью мы понимаем взаимосвязанные категории «специфика» и «самосознание». Соответственно, региональная идентичность — это местные специфика и самосознание. «Ономастический хаос» современного города привел к однообразию номинативных процессов, обусловил нивелирование региональных признаков ономастического простран-

ства города. Появление в современном ономастиконе эргонимов, отражающих признак региональной идентичности, говорит о «повороте» к своей национальной идентичности, принадлежности определенному пространству и происходит через культурный ландшафт. Это прежде всего отражается в символике города, в которую включаются онимы с региональной семантикой. Несомненно, ономастическая лексика способна воздействовать на осознание носителями языка определенной формы идентичности и этим обусловлена необходимость в выявлении через анализ эргонимов прагматически ориентированных номинативных актов, выражающих региональную идентичность и эстетические представления номинаторов. Это закономерно, так как любая речевая деятельность представляет собой проявление индивидуального опыта и знаний отдельного человека, а не только презентация системы языка.

«Активизация предпринимательской деятельности, открытие частных предприятий обуславливает появление новых типов номинаций, являющихся плодом лингвистического творчества собственников предприятий» [Есенова, 2018, с. 340].

Основным ресурсом при образовании новых номенклатурных наименований является национальный лексикон. Другим источником пополнения эргонимии является иноязычная лексика, в первую очередь, конечно, слова английского языка — в силу его интернационального статуса. Безусловно, при создании эргонима всегда учитывается аудитория, для которой он создается. Важно отметить, что представление о каком-либо предмете складывается у человека благодаря ассоциациям. Причем ассоциации могут быть разными в зависимости от возрастного, гендерного, культурного и социального статуса адресата. Поэтому прежде чем подобрать название необходимо проанализировать, на какую аудиторию будет нацелен продукт или услуга. В связи с этим, для создания оригинального названия часто в его состав включаются национальные элементы.

Выборка онимов с региональным признаком составляет незначительный процент от общего числа эргонимов (18%). Однако даже

эта группа онимов содержит богатый материал в плане региональной идентичности. Исходя из региональных особенностей и на основе анализа собранной нами картотеки эргонимов г. Улан-Удэ, мы выделили следующие виды эргонимов с национальными элементами:

1. Оттопонимические эргонимы называющие локус, соотносимый с конкретным пространственным образом, с конкретным местом: кафе *Ацагат* (название села), *Хамар Дабан* (название горного хребта), *Шэнэхээн нютаг*, тур. фирмы *Байгал трэвэл*, *Байкалинтур*, *Бурятинтур* и т. д. Следует отметить, что коннотации, создаваемые «пространственными» онимами, различаются по семантической и ассоциативной наполненности. Так, в г. Улан-Удэ очень много названий заведений общественного питания, в состав которых входит топоним Шэнэхээн: *Шэнэхээн бууза*, *Шэнэхээн амта* и др. Этот топоним стал брендом бурятской кухни и заведения, в состав названий которых входит данное слово, зарекомендовали себя как заведения с хорошей и вкусной кухней, т.е. вызывают ассоциации с качеством. Шэнэхээн — это местность в Эвенкийском хошуне Хулун-Буирского городского округа Внутренней Монголии Китая, где компактно расселены буряты, эмигрировавшие в начале 20 века из Российской империи.

2. Интернациональные эргонимы, т.е. эргонимы, указывающие на полиэтничный характер. Эргонимы такой разновидности подчеркивают интернациональную связь между различными территориальными и этническими общностями.

На территории Бурятии проживают представители более 100 национальностей. Это связано не только с историческими процессами (например, переселение татар), но и с тем, что в последние годы по всей России наблюдается активная трудовая и долгосрочная миграция преимущественно жителей Китая и стран СНГ. Несомненно, миграция повлияла на номинационные процессы в эргонимии, поэтому в последнее время растет число таких этнических эргонимов, как *Генацвале*, *Караван Баши*, *Тандыр*, *Шерине*, *Чань-Чунь*, *Чан-Цин*, *Хуа Юй* и т.д. Данные эргонимы характеризуют культуру, традиции, связанные

с национальной кухней, тем самым создавая в многонациональном городе микропространство, эксплицирующее другую культуру.

Интернациональные эргонимы в своем названии, в свою очередь, подчеркивают принадлежность к определенной диаспоре, существующей на территории Бурятии. В качестве этнического эргонима подбираются слова, обозначающие какие-то общеизвестные символы, олицетворяющие эту страну, республику: Японию представляют заведения японской кухни: «*Самурай*» (самурай — это член привилегированной феодальной военной касты Японии), «*Темаки*» (один из видов суши), «*Гейша*» (девушка, развлекающая своих клиентов танцем, пением, ведением чайной церемонии, буквально означает «человек искусства», один из самых ярких образов, которые у большинства людей ассоциируются с Японией), «*Рамэн*» (название японского блюда), «*Сэнсэй*» (в переводе с японского «учитель»), «*Sushi House*» (в переводе с англ. «дом суши»), «*Аригато*» (в переводе с японского «спасибо»). Также Японию представляют эргонимы — названия автосервисов и магазинов автозапчастей, так как японские товары являются гарантом качества: «*Kitto*», «*TOYODA-Магистраль*», «*Toyota Улан-Удэ*», «*Японец*», «*JapanTrek*», «*Субару-клуб*», «*Маленькая Япония*» и т.д. Азию представляют следующие эргонимы-названия ресторанов и кафе: «*Тандыр*» (печь-жаровня, мангал особого шарообразного или кувшинообразного вида для приготовления разнообразной пищи у народов Азии), «*Самарканд*» (название города в Узбекистане), «*Чайхана*» (чайная и столовая в Средней Азии, Азербайджане, Афганистане и Иране), «*Узбечка*» (национальность), «*Шеринэ*» (киргизское женское имя) и т.д. В г. Улан-Удэ встречаются эргонимы, образованные от названий известных городов, особенно это характерно для названий заведений китайской и корейской кухни: *Харбин*, *Хайлар*, *Хайнань*, *Мёндон*, *Сеул* и т.д. Эти эргонимы мы относим все же к интернациональным, так как указанные выше оттопонимические эргонимы привязаны к месту, где находится то или иное заведение.

Нужно отметить, что из всех заведений с интернациональными названиями преобладают китайские названия (48%). В основном

это кафе и рестораны. Мы связываем это больше с популярностью китайской кухни, так как по официальным данным МВД РФ, процент мигрантов из Китая ниже, чем из стран СНГ (например, Киргизии). На втором месте расположились японские названия (32%), далее идут узбекские, киргизские и др. названия.

Отдельно следует выделить эргонимы, в состав которых входит слово «шаурма». Это название ближневосточного блюда, которое популярно не только в Бурятии и России, но и в других странах. И в зависимости от региона или страны, это блюдо имеет различное название. В нашем регионе используется название «шаурма» и «дённер», реже «кебаб», например: *Хан-Дённер, Шаурма 03, Мистер Денер, Арабская шаурма, Шаурма Кинг, Кебабхаус, Кебаб 03* и т.д. Считаем, что эргоним «шаурма» является универсальным, поэтому мы не относим его к интернациональным.

3. Информативные эргонимы, сообщающие помимо необходимой информации дополнительные сведения об объекте, в названии присутствует информация об ассортименте товаров и услуг, их объеме, позиции фирмы на рынке среди конкурентов и т.п.: «*Буряадбууза*» (бурятские буузы), «*Шэнэхээн амта*» (вкус Шэнэхэна), «*Баян бэри*» (богатая невестка — магазин приданого для невест), «*Шарбин*» (название блюда), «*Бухлёр*» (вид супа), «*Амтатай бууза*» (вкусные буузы), туристическая фирма *Амара* — (амара в переводе с бурятского «отдохни») и т.д.

4. Эргонимы с заимствованными элементами. Так, в бурятских эргонимах, входящих в данную группу, используются иноязычные эквиваленты гиперонима «дом» — house и его части — room: кафе бурятской кухни *Бууза Room, Буузы House* и т.д., гипероним «путешествие» — tour, travel: *Байкал Наран Тур, Гэсэр тур, Аятрэвэл, Байгал-трэвэл* и др.

Для привлечения молодежи, а также следуя современным тенденциям в процессе номинации, создатели часто используют прием графической репрезентации эргонимов. У нас в городе большое пространство имеет транслитерирование с иностранного языка на

русский, например, *Трамтория* (ит. trattoria, «ресторанчик, трактир»), *Бьюти Форм* (англ. beauty — «красота»; form — «форма»), *Лингва* (лат. Lingua — «язык») и др., то в нашем случае, транслитерирование идет с бурятского на латиницу, например: *Виуза Вао* (Бууза Бао, гастронаб), *Зам* (Зам, сувенирный магазин и лекторий), *GOYO* (Гоё — салон красоты), *UlanLak* (Улаан лак — ногтевая студия) и др.

5. Эргонимы с психологическим воздействием. Такие эргонимы отражают реакцию на языковые сигналы, выражающие значение адресованности (отбор информации, графическая организация текста, оценочные средства), например, салоны красоты *Сэбэрхэн* (бур. «миленькая»), *GOYO* (бур. «красивый»), кафе *Амтатай бууза* (бур. «вкусные буузы»), *Эжын хоол* (бур. «мамина еда»), *Элбэг* (бур. «изобилие») стоматологическая клиника *Алтан гар* (бур. «золотые руки») и др.

6. Эргонимы, выражающие национально-культурную идентичность. В последнее время, с усилением в нашем регионе значения этнической идентичности, появилась необходимость обозначения того или иного коммерческого предприятия по национально-культурной принадлежности. Такие эргонимы имеют коннотации, отражающие особенности национальной кухни, менталитета, истории и культуры региона. Например: названия заведений бурятской кухни: «*Будамшуу*», «*Оэлун*», «*Булаг*», «*Амарсайн*», «*Алтаргана*», «*Мунгэнсэргэ*», «*Булаг*», «*Амарсайн*», торговый центр «*Сагаан морин*», салон-ателье трикотажных изделий «*АЛАН ГОА*», художественная мастерская «*Эрхим Дархан*», швейная мастерская «*Sagan zam*», этно-маркет «*Zam*» и т.д.

«*Будамшуу*» — имя главного героя одноименной бурятской народной сказки, где отражается бурятская традиция юмора и сатиры; «*Оэлун*» — имя старшей жены Есугей-баатура, мать Тэмуджина, ставшего известным как Чингисхан. Монгольские хроники называют её «женой чести, совета, разума и холодной решимости», Бурятия считается родиной ее предков;

«*Булаг*» означает святой источник. Буряты верят, что вода из святого источника может исцелить все болезни и недуги.

«Амарсайн» — приветствие на бурятском языке. В традиции бурятского народа особое место занимает встреча и приветствие гостей. Буряты считаются очень гостеприимным народом и существуют ряд «правил» встречи гостей, например, встречать гостей хадаком, преподносить белую пищу и т. д.

«Алтаргана» — название международного бурятского фестиваля. Фестиваль носит название степного кустарника семейства бобовых — караганы карликовой (лат. *saqaganarugmaea*, по-бурятски и монгольски — Алтаргана), растения с очень сильной и развитой корневой системой, что символизирует народные «корни»;

«Мунгэн сэргэ» — переводится с бурятского как «серебряная коновязь». Коновязь для бурят — сакральный символ домашнего очага, гостеприимства крепости семьи и рода. Серебро — символ чистоты и здоровья;

«Сагаан морин» — в переводе с бурятского языка означает белая лошадь. Белый цвет у бурят — это символ добра, счастья, честности, благородства, чистоты, он наиболее почитаем в народе и об этом говорят многие бытовые традиции: посадить гостя на белый войлок значило пожелать ему благополучия, по традиции белую юрту ставили новобрачным, при наступлении Сагаалгана — праздника Белого месяца (Нового года по восточному лунному календарю) люди употребляют в пищу белые молочные продукты. Буряты вели кочевой образ жизни, и конь был неизменным спутником и другом каждой семьи. А белая лошадь особенно почиталась, как символ благополучия и процветания. В произведениях устного народного творчества лошадь — лучший друг человека, верный спутник вдали от родины. Сила богатыря сравнивается с силой лошади, красота женщины — с красотой лошади. По представлениям древних бурят лошадь — создание высшего божества;

«АЛАН ГОА» — имя прародительницы монгольских, калмыцких (ойратских) и бурятских родов. По легенде была дочерью Хоридой-Мэргэна, основателя племени Хори, ее называют принцессой народа Хори;

«Эрхим Дархан» — в переводе с бурятского «умелый кузнец». Кузнечное дело пользовалось у бурят уважением, кузнецы-дарханы обычно окружались большим почетом. Культ кузнеца в бурятской культуре издавна связан с религией. У бурят существовало почитание железа и предметов из него, считалось, что если возле больного или спящего человека положить топор или нож, то они будут лучшим оберегом от злых сил. Профессия кузнеца была наследственной (дарханайутха), причем кузнецами иногда были шаманы. Кузнецы изготавливали орудия охоты, военного снаряжения (наконечники стрел, ножи, копья, топоры, шлемы, доспехи), предметы быта и орудия труда, в частности, котлы для варки пищи, ножи, топоры и т.д. Большое значение имело производство подков, удил, стремян, пряжек и прочих принадлежностей конской сбруи.

«Saganzam», «ZAM» — в переводе с бурятского «путь, дорога». Буряты были кочевым народом, а для кочевника дорога — это жизнь.

Эргонимы, выражающие национально-культурную идентичность, обладают этнокультурной информативностью, отражают менталитет и национальные стереотипы. Поэтому, создавая эргонимы, номинатор исходит из фоновых знаний этнокультурного характера, которые могут вызвать некие ассоциации у адресата.

Для коммуникативной эффективности эргоним должен иметь признаки позитивного восприятия, обладать высокой информативностью, мотивированностью, ориентированностью в городском пространстве, то признак «региональной идентичности» относится лишь к позитивному ассоциативному полю. Коммуникативная эффективность же «региональных» эргонимов заключается в том, что они способствуют развитию языковой политики в плане сохранения культурно-исторических символов, а значит и подъема престижа своего города, региона среди носителей языка и общества в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показывает, что региолект — это целостная языковая система, включающая в себя как регионально маркированные, так и общезыковые элементы. Правы исследователи, считающие, что уникальность региолектов создается, скорее, не за счет уникальности конкретных языковых фактов, а за счет их «системного калейдоскопа», особой регионально маркированной организации языка.

Исследование маркированной речи нашего региона позволяют выявить ее самобытность, ее специфику по сравнению с русской литературной речью и с русской речью других регионов. На наш взгляд, к регионализмам (регионально маркированным лексемам) можно отнести и эргонимы, этнохоронимы и оттопонимические прилагательные.

Во многом специфика регионального варианта русского языка Забайкалья обусловлена многонациональностью и многоязычием региона.

Заимствование слов языком-реципиентом может быть инициировано взаимодействием этнокультурных стереотипов. Различные модификации в системе стереотипов отражаются в словарном составе обоих языков, он пополняется не только за счет рождения новых слов, но и заимствований. В основе заимствования могут лежать процессы взаимопроникновения этностереотипов, которые неизбежны в полиэтническом пространстве. Адаптированные заимствования в региональном варианте русского языка функционируют в одном из оставшихся значений, оформляются при помощи аффиксов разговорного стиля. Взаимодействие этнокультурных стереотипов может

спровоцировать образование полисемантов в одном из контактирующих языков без заимствования. В работе подчеркивается, что заимствование слов, связанных с этнокультурными стереотипами, является одной из причин приобретения языком региональных особенностей.

В работе представлены основные закономерности и словообразовательные модели образования региональных этнохоронимов, определены источники изучения этнохоронимов. Выявлены причины несоответствия между названиями населенных пунктов (ойконимами) и этнохоронимами. Отмечается, что в силу лингвистических и экстралингвистических причин имеется существенная разница между названиями населенных пунктов, имеющих одно производящее. Анализируется авторская разработка анкетного опроса по знанию этнохоронимов Бурятии. Следует отметить, что в ответах представлены этнохоронимы — существительные. Анкетирование также продемонстрировало, что жители республики не всегда используют имеющиеся правила образования этнохоронимов, существуют другие, уже устоявшиеся формы, образованные не по правилам.

На основе собранного материала и потенциальных региональных этнохоронимов выявлены наиболее повторяющиеся способы образования этнохоронимов Бурятии.

Следует отметить характерную особенность этнохоронимов, присущую и региональным этнохоронимам: для названий жителей по местности, в отличие от других слов, первичной и наиболее частотной является по сути *форма множественного числа*. Также среди этнохоронимов Бурятии значительно меньше в количественном отношении фиксируется номинаций в форме единственного числа, а названия женщин по местности вообще составляют малый процент общего числа этнохоронимов-существительных.

Собственный языковой опыт и наблюдения за речью других носителей русского языка нашего региона показывают, что для обозначения жителя того или иного населенного пункта в разговорной речи часто используются субстантивированные прилагательные (*се-*

лендумские, калининские, ехэ-цаганские, сотниковские, ошурковские и др.) и описательный оборот *Мы из ... (ойконим)*.

Региональные этнохоронимы образуются аффиксальным способом при помощи суффиксов **-ец**, только при помощи интерфиксов **-ов-**, **-ин-**, **ан-**, **-н-**, **-й-** и др., т.е. при помощи интерфиксально-суффиксального дериватора — **/ин/ец**, — **/ов/ ец**, — **/ан/ ец**, — **/н/ ец**, — **/й/ ец**, чаще во множественном числе: *уланудинец*, *уланудэ/н/ ец*, *телембинец*, *телемб/ин/цы*, *устъэгит/ин/ец*, *устъэгит/ин/ц-ы*, *харгага/й/ец* и т.д.

Одним из активных способов является субстантивация, например, Нижнеангарск — *нижнинский*.

При образовании отойконимических прилагательных регионализмов работают особой продуктивностью обладает суффикс **-ск**.

Частотным является комплексный аффикс, где суффикс постоянен (это суффикс **-ск**), но вариативен второй компонент — интерфикс. Мы придерживаемся мнения, что в данном случае работает именно комплексный дериватор, так как в единстве работают две морфемы — суффикс и интерфикс. Таким образом, большая часть региональных отойконимических прилагательных также образуется аффиксальным способом при помощи суффиксов **-ск**, только при помощи интерфиксов **-ов-**, **-ин-**, **ан-**, **-н-**, **-й-** и др., т.е. при помощи интерфиксально-суффиксального дериватора — **/ин/ск**, — **/ов/ск**, — **/ан/ск**, — **/н/ск**, — **/й/ск** и др.

Использование интерфиксов при образовании этнохоронимов и отойконимических прилагательных связано, безусловно, с фонетическим обликом ойконимов Бурятии, большая их часть — это слова бурятского и эвенкийского происхождения. Таким образом, примечательная особенность ойконимии Бурятии как производящей базы этнохоронимов и отойконимических прилагательных, заключается в том, что многие русские наименования населённых пунктов Республики Бурятия не являются русскими по происхождению (*Исинга*, *Телемба*, *Тайлуд*, *Можайка*, *Укыр*, *Гарам*, *Тужинка*, *Харха*, *Ширинга*, *Улзыта*,

Улан-Туяа др.). Потому что в результате длительного исторического процесса на территории нашей республики образовалась сложная ойконимия в виде наслоения географических названий различного языкового происхождения: палеоазиатского, эвенкийского, самодийского, тюркского, монгольского, бурятского и русского.

Между тем, словопроизводство происходит по русской словообразовательной модели и с использованием русских словообразовательных средств.

Итак, языковая традиция региона, производящее из разных языков иницируют разновариантность этнохоронимов и отойконимических прилагательных. Система образования этнохоронимов и оттопонимических прилагательных неустойчива вследствие разнообразия мотивирующих (производящих), в нашем случае, это топонимы, количество которых неудержимо увеличивается. Кроме того, сказывается сильное воздействие регионального фактора, отразившегося на традиции живой разговорной речи данных населённых пунктов, особенно малых, порождает в местной речевой практике многочисленные варианты этнохоронимов и оттопонимических прилагательных.

Анализ существующих региональных этнохоронимов и отойконимических прилагательных также показал, что соответствия между ними и ойконимами не существует. Выявлены несоответствия в количественном отношении, возникающие из-за того, что немало сел и деревень Бурятии имеют одинаковые названия.

Конечно, огромный материал по этнохоронимам и оттопонимическим прилагательным требует упорядоченности, существует необходимость сбора и обобщения регионального материала, выпуска местного словаря названий жителей, справочника по оттопонимическим прилагательным. Они могут оказать помощь школьникам, студентам, учителям русского языка, преподавателям вузов, работникам средств массовой информации в выборе правильного наименования названия жителей и образования отойконимических прилагательных. Следует отметить, что отойконимические прила-

гательные часто субстантивируются и становятся наименованием жителя населенного пункта.

В своей работе нами рассмотрены и региональные особенности эргонимов города Улан-Удэ. Можно констатировать, что, помимо номинативной функции, информативность исследуемых онимов с региональной идентичностью основывается на идентификации объекта по отношению к пространству и культуре, к истории.

Иначе говоря, информативность в соединении с мемориально-географическими признаками — основная прагматическая установка онимов данного региона. Переходя из другого разряда с подавлением всех первоначальных оттенков в значении слова, эргоним приобретает семантическую самостоятельность.

Основными процессами деривации эргонимов региональной идентичности можно считать трансонимизацию и онимизацию апеллятивов. Безусловно, трансонимизация является наиболее частотным способом. И это не случайно, так как идентичность может происходить либо на уровне города, либо региона, а это всегда названия населенных пунктов, т.е. топонимы.

Активизация предпринимательской деятельности, открытие частных предприятий обуславливает появление новых типов номинаций, являющихся плодом лингвистического творчества собственников предприятий.

Безусловно, невозможно в одной работе осветить все проблемы и ответить на все стоящие вопросы, тем более, что это одна из первых работ по словообразовательным возможностям регионализмов забайкальского региолекта. Считаем, что словообразование регионализмов требует продолжения. Существует необходимость в выявлении наиболее частотных словообразовательных моделей, типов, способов словообразования, составлении и систематизации словообразовательных гнезд регионального варианта русского языка Забайкалья.

Все приведенные в работе факты могут служить доказательством регионально обусловленной специфики русской речи в республике

Бурятия и позволяют говорить о существовании забайкальского региолекта как одной из форм языкового бытия.

Наблюдения за русской речью нашего региона делают очевидной ее специфику по сравнению с русской речью в других регионах и указывают на необходимость активизации лексикографической практики. Требуется кропотливая работа для отражения и фиксации постоянно изменяющейся повседневной звучащей русской речи на территории Республики Бурятия.

Как пишет Е. А. Оглезнева, «изучение региолектов представляется весьма перспективным, требующим привлечения разнообразных методов научного лингвистического исследования. Одной из важнейших задач в изучении региональных разновидностей русского языка может стать выявление состава существующих региолектов, их структуры, границ между ними, зон возможного взаимопроникновения и факторов, обуславливающих эти особенности. Конечным итогом такого исследования станет региолектное картографирование, которое отразит региолектное членение русского языка на определённом этапе своего существования» [Оглезнева, с. 68].

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская разговорная речь Бурятии: тексты в орфографической записи / сост. А. П. Майоров, И. Ж. Степанова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. 388 с.
2. Адзинова А. А. Вопросы ономастики / А. А. Адзинова, И. А. Нефляшева // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы IX Междунар. науч. конф. (22–25 мая). Екатеринбург, 2014. С. 129–130.
3. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири / А. Е. Аникин. Москва; Новосибирск: Наука, 2000. 772 с.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. Москва: Либроком, 2010. 576 с.
5. Бабушкин С. М. Бурятская лексика в русской речи населения Восточной Сибири / С. М. Бабушкин // Вопросы бурятско-русского двуязычия / отв. ред. С. М. Бабушкин. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. Вып. 2. С. 16–26.
6. Бородина М. А. Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации современной Франции) / М. А. Бородина // Вопросы языкознания. Москва, 1982. № 5. С. 29–38.
7. БРС, 2006 — Бурятско-русский словарь: в 2 т. Т. 1: А–Н / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. 636 с.
8. БРС, 2008 — Бурятско-русский словарь: в 2 т. Т. 2: О–Я / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. 708 с.
9. Бурятский корпус [Электронный ресурс]. Режим доступа http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru

10. Бутакова Е. С. Лингвистическая креативность в Томской эргонимии / Е. С. Бутакова // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). Томск, 2013. 3 (131) с.
11. Воробьева И. А. Еще раз о термине «микротопонимия» / И. А. Воробьева // Язык и топонимия Сибири. Томск, 1972. Вып. 5. С. 45–49.
12. Генералова Е. В. О развитии и значении оттопонимических прилагательных в русском языке (на примере истории лексемы «московский»). [Электронный ресурс] / Е. В. Генералова Режим доступа: http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/pdf/2016_3/16.pdf.
13. Городецкая И. Л. Русские названия жителей: словарь-справочник / И. Л. Городецкая, Е. А. Левашов. Москва, 2003.
14. Дементьев А. А. Наименование лиц по местности с суффиксом -ец / А. А. Дементьев // Русский язык в школе. 1946. № 2. С. 35–41.
15. Донецкий региолект: монография / В. И. Теркулов и др.; под ред. В. И. Теркулова. Донецк: Фолиант, 2018. 265 с.
16. Дубкова О. А. Прилагательные с заимствованной основой в русском языке [Электронный ресурс] / О. А. Дубкова. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/prilagatelnye-s-zaimstvovannoj-osnovoj-v-russkom-jazyke.html>.
17. Егодурова В. М. Бурятское слово адли в региональном русском языке Бурятии / В. М. Егодурова // Региональные варианты национального языка: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции (Улан-Удэ, 17–20 октября 2013 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. С. 118–122.
18. Егодурова В. М. Русский язык в Байкальском регионе: лексико-семантический аспект: монография / В. М. Егодурова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2018. 124 с.
19. Емельянова А. М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (10.02.19) / А. М. Емельянова. Москва, 2007. 170 с.

20. Есенова Т. С. Русский язык в Республике Калмыкия: монография / Т. С. Есенова. Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, Джангар, 2018. 359 с.
21. Еськова Н. А. О некоторых морфологических явлениях современного русского языка (на материале образований с суффиксом -ец от географических названий с основой на заднеязычные согласные) / Н. А. Еськова // Топономастика и транскрипция. Москва: Наука, 1964. 23 с.
22. Игнатович Т. Ю. Восточносибирский региолект в сибирском диалектном пространстве / Т. Ю. Игнатович // // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций.— Благовещенск, 2014.— Вып. 10.— С. 15–22.
23. Зварыкина И. С. Способы номинации регионализмов Астраханского края / И. С. Зварыкина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2014. № 2 (27). С. 213–219.
24. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. Изд. 3 / Е. А. Земская. Москва: Флинта: Наука, 2006. 258 с.
25. Журавлева Н. Ю. Механизмы образования катойконимов в испанском и русском языках / Н. Ю. Журавлева // Вестник РУДН, 2013. С. 43–51.
26. Кадоло Т. А. Региональная лексика как проявление поликультурности / Т. А. Кадоло // Язык и культура. 2011. № 2 (14). С. 22–28.
27. Костомаров В. Г. Современный русский литературный язык: учебник / под ред. акад. РАО В. Г. Костомарова, проф. В. И. Максимова. М.: Издательство Юрайт, 2010. 916 с.
28. Климкова Л. А. Региональное слово в художественной речи / Л. А. Климкова // Региональные аспекты лексикологии: межвузовский сборник научных трудов. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1994. С. 52–53.
29. Крыжановская В. А. Эргонимы с элементами графической трансформации: структурно-семантический и прагматический аспекты: диссертация на соискание ученой степени кандидата филоло-

- гических наук (10.02.01) / В. А. Крыжановская. Краснодар, 2017. 241 с.
30. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: диссертация на соискание степени доктора филологических наук / И. В. Крюкова. Волгоград, 2004. 360 с.
 31. Крюкова И. Ф. Функциональная нагрузка периферийных онимов в современном художественном тексте / И. В. Крюкова // Материалы юбилейной конференции, посвященной 60-летию О. Ермакова. Вып. 1. Языкознание. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2002. С. 96–102.
 32. Крюкова С. В. О производящей базе прилагательных, образованных от названий населенных пунктов / И. В. Крюкова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/11508/1/Krukova_O_proizvodyashei.pdf.
 33. Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук (10.02.01) / М. Г. Курбанова. Волгоград, 2015. 23 с.
 34. Левашов Е. А. Географические названия: прилагательные, образованные от них. Названия жителей: словарь-справочник / Е. А. Левашов. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. 607 с.
 35. Левашов Е. А. Словарь прилагательных от географических названий / Е. А. Левашов. Москва: Рус. яз., 1986. 550 с.
 36. Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века / А. П. Майоров. Москва: Азбуковник, 2006. 263 с.
 37. Майоров А. П. Русская разговорная речь Бурятии: лингворегионоведческий аспект: монография / А. П. Майоров, И. Ж. Степанова, Е. В. Зырянова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2018. 366 с.
 38. Матвеева К. Н. Заимствования в лексической системе русских говоров южной части Бурятии / К. Н. Матвеева // Диалектная лексика в русских говорах Забайкалья. Улан-Удэ, 1985. С. 36–44.
 39. Намитокова Р. Ю. Язык современного города / Р. Ю. Намитокова, Н. И. Гриценко, И. А. Нефляшева // Вестник Адыгейского

- государственного университета. Майкоп, 2006. № 1. С. 185–188. Режим доступа: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2006.1/82/pamitokova2_2006_1.pdf (дата обращения: 26.02.2016).
40. Норман Б. Ю. Билингвизм и многоречие в Республике Беларусь / Б. Ю. Норман // Русский язык в многоречном социокультурном пространстве. М.: ФЛИНТА; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 324 с.
 41. Оглезнева Е. А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка / Е. А. Оглезнева // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Благовещенск, 2013. Вып. 10. С. 27–37.
 42. Оглезнева Е. А. К вопросу о границах дальневосточного региолекта / Е. А. Оглезнева // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Вып. 10. С. 65–68.
 43. Озтюрг Л. И. Региональный аспект в исследованиях адектонимики современного русского языка [Электронный ресурс] / Л. И. Озтюрг URL: <file:///C:/Users/1/Downloads/regionalnyu-aspekt-v-issledovaniyah-adektonimiki-sovremennogo-russkogo-yazyuka.pdf>.
 44. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская; отв. ред. А. В. Суперанская. Изд. 2, перераб. и доп. Москва: Наука, 1988. 192 с.
 45. Региональные варианты национального языка: материалы всероссийской (с международным участием) науч. конф. (Улан-Удэ, 17–20 октября 2013 г.) / науч. ред. А. П. Майоров. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. 300 с.
 46. Резвухина Ю. А. Регионализмы: к определению понятия / Ю. А. Резвухина // Интерэкспо Гео-Сибирь. Новосибирск, 2015. С. 84–87.
 47. Романова Т. П. Проблемы современной эргонимии / Т. П. Романова // Вестник Самарского государственного университета. Серия Филология. Моква, 2008. № 1. С. 82–90.

48. Самсонова Е. С. Информационный потенциал иноязычных эргонимов / Е. С. Самсонова О. Г. Щитова // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 2012. № 1 (116). С. 175–181.
49. Скарнев Д. И. Языковые средства создания образа в рекламном дискурсе: семантический, прагматический и маркетинговый аспекты: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (10.02.01) / Д. И. Скарнев. Челябинск, 2015. 390 с.
50. Словарь названий жителей РСФСР / под ред. А. М. Бабкина. Москва: Советская энциклопедия, 1964. 400 с.
51. Словарь названий жителей СССР / под ред. А. М. Бабкина, Е. А. Левашова. Москва: Русский язык, 1975. 616 с.
52. Степанова И. Ж. Региональное варьирование русского языка: вопросы стратификации / И. Ж. Степанова, М. В. Бохиева // Вестник Новосибирского университета. Серия. История, филология. 2012. Т. 11. С. 137–143.
53. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская; отв. ред. А. А. Реформатский. Изд. 3. Москва: Либроком, 2009. 368 с.
54. Суперанская А. В. Ономастические универсалии/ Восточнославянская ономастика / А. В. Суперанская. Москва: Наука, 1972. 367 с.
55. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 4. Москва: Астрель. АСТ, 2000. 750 с.
56. Торохова Е. А. Региональный вариант русского литературного языка, функционирующий на территории Удмуртии: социолингвистический аспект: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. А. Торохова. Ижевск, 2005. 25 с.
57. Тортунуова И. А. Эргоним как результат речетворчества // Научный диалог. 2012. № 3. Филология. С. 124–137.
58. ТСРЯ — Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Москва: Темп, 2010. 874 с.

59. ТСРЯ 2000 — Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 4. Москва: Издательство Астрель, 2000. 750 с.
60. Харанутова Д. Ш. Заимствования как один из путей образования региональных слов / Д. Ш. Харанутова // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2017. Вып. 2. Язык. Литература. Культура. С. 42–47.
61. Харанутова Д. Ш. К проблеме образования этнохоронимов (на примере названий жителей населенных пунктов Бурятии) / Д. Ш. Харанутова // Вестник БГУ. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2016. Вып. 2. С. 56–62.
62. Харанутова Д. Ш. Регионализмы забайкальского региолекта как результат языковых контактов / Д. Ш. Харанутова // Вестник Калмыцкого университета. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2018. Вып. 40 (4). С. 113–119.
63. Харанутова Д. Ш. Словообразование бурятского языка: монография / Д. Ш. Харанутова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. 270 с.
64. Харанутова Д. Ш. Этнокультурные стереотипы в условиях контактирования: словообразовательный аспект / Д. Ш. Харанутова // Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы: материалы российской науч. конф. (Элиста, 2016). Элиста: Джангар, 2016. С. 180–185.
65. Харанутова Д. Ш. Аффиксальный способ образования региональных этнохоронимов (по материалам анкетирования студентов БГУ) // Д. Ш. Харанутова, М. П. Петрова // Вестник БГУ. 2015. Вып. 1. С. 3–6.
66. Харташкина Р. Х. Взаимодействие русского и бурятского языков (на материале говоров русских старожилов и бурят Иркутской области) / Р. Х. Харташкина. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1977. 122 с.
67. Хорошева Н. В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках / Н. В. Хорошева // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 3(15). С. 32–36.

68. Цеханович М. А. Суффикс -скв русской топонимии и проблема наложения морфем в оттопонимических прилагательных [Электронный ресурс] / М. А. Цеханович. Режим доступа: <http://rgo.msk.ru/commissions/toponymy/stc42/05.html>.
69. Шилов А. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте / А. Л. Шилов // Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 145–147.
70. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук (10.02.01). Екатеринбург, 2002. 21 с.
71. Щитова О. Г. Неисконная лексика в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII века: монография / О. Г. Щитова. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 480 с.
72. Языковая картина мира Байкальского региона: материалы регион. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 27 мая 2009 г.) / науч. ред. В. М. Егодурова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. 258 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

**Отоikonимические прилагательные,
образованные при помощи аффиксов
(суффикса -ск и суффикса -ск + интерфикса //)**

1. Адамово → адамовские
2. Баргузин → баргузинские
3. Бодон → бодонские
4. Читкан → читканские
5. Чивыркуй → чивыркуйские
6. Давша → давшинские
7. Душелан → душеланские
8. Хара-Усун → хараусунские
9. Харгана → харгана/й/ские
10. Хилгана → хилгана/й/ские
11. Макарино → макаринские
12. Шапеньково → шапеньковские
13. Улюн → улюнские
14. Ярикта → ярикт/ин/ские
15. Зорино → зоринские
16. Багдарин → багдарин/ов/ские
17. Бугунда → бугунда/й/ские
18. Кадали → кадалинские
19. Окунево → окуневские
20. Романовка → романовские
21. Усть-Джилinda → устьджиинд/ин/ские
22. Бичура → бичурские
23. Билютай → билютайские

24. Черноярво → черноярвские
25. Дабатуй → дабатуйские
26. Харлун → харлунские
27. Хонхой → хонхойские
28. Малый Куналей → малокуналейские
29. Никольск → никольские
30. Подлопатки → подлопаткинские
31. Потанино → потанинские
32. Шибертуй → шибертуйские
33. Тухум → тухумчанские
34. Усть-Заган → устьзаганские
35. Цагатуй → цагатуйские
36. Дырестуй → дырестуйские
37. Джида → джид/ин/ские
38. Енхор → енхорские
39. Нарын → нарынские
40. Тасархой → тасархойские
41. Торей → торейские
42. Улзар → улзар/ов/ские
43. Верхний Бургалтай → верхнебургал-тайские
44. Верхний Торей → верхнеторейские
45. Желтура → желтур/ин/ские
46. Амгаланта → амгалантайские
47. Ашанга → ашанга/й/ские
48. Хангир → хангирские
49. Назаровка → назаровские
50. Тулдун → тулдунские
51. Усть-Эгита → устьэгит/ин/ские
52. Усть-Заза → устьзаза/й/ские

53. Барун-Хасурта → барунхасурт/ин/ские
54. Баянгол → баянгольские
55. Хандагай → хандагайские
56. Хасурта → хасурт/ин/ские
57. Хоринск → хоринские
58. Майла → майлинские
59. Тарбагатай → тарбагатайские
60. Тэгда → тэгд/ин/ские
61. Тохорюкта → тохорюкт/ин/ские
62. Удинск → удинские (суффикс -ск наложился на конечную финаль основы)
63. Замокта → замоктинские
64. Зугдеди → зугдед/ин/ские
65. Зун-Хурай → зунхурайские
66. Гильбира → гильбир/ин/ские
67. Гурульба → гурульб/ин/ские
68. Хурамша → хурамш/ин/ские
69. Ильинка → ильинские (суффикс -ск при усечении -к)
70. Каленово → каленовские
71. Кокорино → кокоринские
72. Нижний Убукун → убукунские
73. Оронгой → оронгойские
74. Ошурково → ошурковские
75. Сокол → сокольские
76. Сотниково → сотниковские
77. Зун-Оронгой → зуноронгойские
78. Энхалук → энхалукские
79. Фофоново → фофоновские
80. Инкино → инкинские

81. Истомино → истоминские
82. Кабанск → кабанские
83. Каменск → каменские
84. Каргино → каргинские
85. Корсаково → корсаковские
86. Кудара → кударинские
87. Ньюки → нюкинские
88. Ранжурово → ранжуровские
89. Романово → романовские
90. Шергино → шергинские
91. Шигаево → шигаевские
92. Танхой → танхойские
93. Тресково → тресковские
94. Творогово → твороговские
95. Выдрино → выдринские
96. Закалтус → закалтусские
97. Жилино → жилинские
98. Бахлайта → бахлайтинские
99. Булак → булаковские
100. Хуртей → хуртейские
101. Кижинга → кижинг/ин/ские
102. Кулькисон → кулькисонские
103. Могсохон → могсохонские
104. Арбун → арбунские
105. Аргада → аргада/й/ские
106. Арзгун → арзгунские
107. Галгатай → галгатайские
108. Харамодун → харамодунские
109. Кучегэр → кучегэрские

110. Курумкан → курумканские
111. Майский → майские
112. Могойто → могойтойские
113. Мургун → мургунские
114. Сахули → сахулинские
115. Саранхур → саранхурские
116. Томокто → томоктойские
117. Тунгэн → тунгэнские
118. Угнасай → угнасайские
119. Улюнхан → улюнханские
120. Унэгэтэй → унэгэтэйские
121. Ягдыг → ягдыгинские
122. Алтай → алтайские
123. Чикой → чикойские
124. Дурены → дуреныйские
125. Хилгантуй → хилгантуйские
126. Хоронхой → хоронхойские
127. Хутор → хуторчанские
128. Киран → киранские
129. Кудара-Сомон → кударинские
130. Кяхта → кяхтинские
131. Мурочи → муроч/ин/ские
132. Нур-Тухум → нуртухумские
133. Шара-Гол → шарагольские
134. Шазага → шазагинские
135. Субуктуй → субуктуйские
136. Тамири → тамирские
137. Уладый → уладыйские
138. Унгуркуй → унгуркуйские

139. Усть-Киран → устькиранские
140. Цолга → цолгинские
141. Галтай → галтайские
142. Гашей → гашейские
143. Харашибирь → харашибирские
144. Хошун-Узур → хошунузурские
145. Кусоты → кусотские
146. Мухоршибирь → мухоршибирские
147. Нарсата → нарсатайские
148. Новый Заган → новозаганские
149. Саган-Нур → саганурские
150. Шабур → шабуринские
151. Шаралдай → шаралдайские
152. Тугнуй → тугнуйские
153. Зандин → зандинские
154. Догопчан → догопчанские
155. Северомуйск → северомуйские
156. Тилишма → тилишминские
157. Балакта → балактинские
158. Ботогол → ботогольские
159. Хара-Хужир → харахужирские
160. Шаснур → шаснурские
161. Зун-Холба → зунхолб/ин/ские
162. Батурино → батур/ин/ские
163. Горячинск → горячинские
164. Гремячинск → гремячинские
165. Халзаново → халзановские
166. Карымск → карымские
167. Котокель → котокельские

168. Татаурово → татауровские
169. Турка → туркинские
170. Турунтаево → турунтаевские
171. Ярцы → ярцынские
172. Зырянск → зырянские
173. Аршан → аршанские
174. Енхор → енхорские
175. Харгана → харганайские
176. Саянтуй → саянтуйские
177. Селендума → селендумские
178. Селенгинск → селенгинские
179. Ташир → таширские
180. Тохой → тохойские
181. Удунга → удунгинские
182. Усть-Баргузин → устьбаргузинские
183. Усть-Урма → устьурминские
184. Залан → заланские
185. Жаргаланта → жаргаланта/й/ские
186. Каралон → каралонские
187. Янчукан → янчуканские
188. Кичера → кичеринские
189. Кумора → куморинские
190. Атхатай → атхатайские
191. Челутай → челутайские
192. Десятниково → десятниковские
193. Ганзурино → ганзуринские
194. Хандагатай → хандагатайские
195. Харитоново → харитоновские
196. Кардон → кардонские

197. Куйтун → куйтунские
198. Пестерево → пестеровские
199. Далахай → далахайские
200. Галбай → галбайские
201. Харбяты → харбятинские
202. Хойтогол → хойтогольские
203. Ильчир → ильчирские
204. Кырен → кыренские
205. Шанай → шанайские
206. Тагархай → тагархайские
207. Тунка → тункинские
208. Туран → туранские
209. Улбугай → улбугайские
210. Зактуй → зактуйские
211. Челутай → челутайские
212. Добо-Енхор → добоенхор/ов/ские
213. Ехэ-Горхон → ехэгорхонские
214. Эрхирик → эрхириковские
215. Горхон → горхонские
216. Хара-Шибирь → харашибирские
217. Хотогор → хотогорские
218. Новоильинск → новоильинские
219. Онохой → онохойские
220. Тарбагатай → тарбагатайские
221. Ташелан → ташеланские
222. Унэгэтэй → унэгэтэйские
223. Заиграево → заиграевские
224. Баянгол → баянгольские
225. Бортой → бортойские

- 226. Бургуй → бургуйские
- 227. Цакир → цакирские
- 228. Далахай → далахайские
- 229. Дархинтуй → дархинтуйские
- 230. Дутулур → дутулурские
- 231. Ехэ-Цакир → цакирские
- 232. Горхон → горхонские
- 233. Хамней → хамнейские
- 234. Харацай → харацайские
- 235. Хасурта → хасурт/ин/ские
- 236. Холтосон → холтосонские

Этнохоронимы в форме множественного числа

1. Адамово → адамовцы
2. Баргузин → баргузинцы
3. Баянгол → баянгольцы
4. Читкан → читканцы
5. Чивыркуй → чивыркуйцы
6. Давша → давшинцы
7. Душелан → душеланцы
8. Хара-Усун → хараусунцы
9. Харгана → харгана/й/цы
10. Шапеньково → шапеньковцы
11. Улюн → улюнцы
12. Уржил → уржиловцы
13. Ярикта → яриктинцы
14. Зорино → зоринцы
15. Багдарин → багдаринцы
16. Бугунда → бугундайцы / бугундинцы
17. Бусани → бусанинцы
18. Хулугли → хулуглинцы
19. Кадали → кадалинцы
20. Окунево → окуневцы
21. Усть-Джилинда → устьджилиндцы
22. Бичура → бичурцы
23. Билютай → билюта/й/цы
24. Чернорово → черноровцы
25. Дабатуй → дабатуйцы
26. Гутай → гутайцы

27. Харлун → харлунцы
28. Хонхой → хонхойцы
29. Малый Куналей → малокуналейцы
30. Нижний Мангиртуй → нижнемангиртуйцы
31. Новодесятниково → новодесятниковцы
32. Подлопатки → подлопаткинцы
33. Шибертуй → шибертуйцы
34. Тухум → тухумцы
35. Усть-Заган → устьзаганцы
36. Белоозерск → белоозерцы
37. Боргой → боргойцы
38. Цагатуй → цагатуйцы
39. Дэдэ-Ичетуй → дэдэичетуйцы
40. Дырестуй → дырестуйцы
41. Джида → джид/и/нцы
42. Енхор → енхорцы
43. Инзагатуй → инзагатуйцы
44. Нарын → нарынцы
45. Тасархой → тасархойцы
46. Торей → торейцы
47. Улзар → улзаровцы
48. Верхний Бургалтай → верхнебургалтайцы
49. Верхний Торей → верхнеторейцы
50. Желтура → желтуринцы
51. Амгаланта → амгаланта/й/цы
52. Ашанга → ашангайцы
53. Хангир → хангирцы
54. Исинга → исингинцы
55. Можайка → можайк/ин/цы

56. Назаровка → назаровцы
57. Ширинга → ширингинцы
58. Тулдун → тулдунцы
59. Ульдурга → ульдургинцы
60. Усть-Эгита → устьэгитинцы
61. Алан → аланцы
62. Ангир → ангирцы
63. Барун-Хасурта → барунхасуртинцы
64. Баянгол → баянгольцы
65. Булум → булумчане
66. Гарага → гарагайцы
67. Хандагай → хандагайцы
68. Хасурта → хасуртайцы
69. Хоринск → хоринцы
70. Майла → майлинцы
71. Тарбагатай → тарбагатайцы
72. Тэгда → тэгдинцы
73. Тохорюкта → тохорюктинцы
74. Замокта → замоктинцы
75. Зугдеди → зугдединцы
76. Зун-Хурай → зунхурайцы
77. Гильбира → гильбиринцы
78. Гурульба → гурульбинцы
79. Хурамша → хурамшинцы
80. Каленово → каленовцы
81. Кокорино → кокоринцы
82. Красноярово → краснояровцы
83. Нижний Убукун → нижнеубукунцы
84. Оронгой → оронгойцы

85. Ошурково → ошурковцы
86. Сотниково → сотниковцы
87. Зун-Оронгой → зуноронгойцы
88. Дулан → дуланцы
89. Энхалук → энхалуковцы
90. Фофоново → фофоновцы
91. Инкино → инкинцы
92. Исток → истоковцы
93. Истомино → истоминцы
94. Каргино → каргинцы
95. Ключевка → ключевцы
96. Корсаково → корсаковцы
97. Кудара → кудар/ин/цы
98. Ньюки → нюкинцы
99. Оймур → оймурцы
100. Ранжурово → ранжуровцы
101. Романово → романовцы
102. Шерашово → шерашовцы
103. Танхой → танхойцы
104. Тресково → тресковцы
105. Выдрино → выдринцы
106. Закалтус → закалтусовцы
107. Жилино → жилинцы
108. Булак → булаковцы
109. Хуртей → хуртейцы
110. Кижинга → кижинг/ин/цы
111. Кулькисон → кулькисонцы
112. Могсохон → могсохонцы
113. Орот → оротинцы

114. Сулхара → сулхаринцы
115. Ушхайта → ушхайт/ин/цы
116. Загустай → загустайцы
117. Арбун → арбунцы
118. Аргада → аргад/ин/цы
119. Арзгун → арзгунцы
120. Галгатай → галгатайцы
121. Кучегэр → кучегэрцы
122. Курумкан → курумканцы
123. Мургун → мургунцы
124. Сахули → сахулинцы
125. Саранхур → саранхурцы
126. Томокто → томоктойцы
127. Угнасай → угнасайцы
128. Улюнхан → улюнханцы
129. Унэгэтэй → унэгэтэйцы
130. Ягдыг → ягдыг/ин/цы
131. Алтай → алтайцы
132. Чикой → чикойцы
133. Хилгантуй → хилгантуйцы
134. Хоронхой → хоронхойцы
135. Киран → киранцы
136. Кудара-Сомон → кударинцы
137. Кяхта → кяхтинцы
138. Мурочи → мурочинцы
139. Нур-Тухум → нуртухумцы
140. Шара-Гол → шарагольцы
141. Шара_Азарга → шаразаргинцы
142. Субуктуй → субуктуйцы

143. Тамири → тамиринцы
144. Уладый → уладыйцы
145. Унгуркуй → унгуркуйцы
146. Усть-Киран → устькиранцы
147. Цолга → цолгинцы
148. Галтай → галтайцы
149. Гашей → гашейцы
150. Харашибирь → харашибирцы
151. Хошун-Узур → хошунузурцы
152. Мухоршибирь → мухоршибирцы
153. Нарсата → нарсатайцы
154. Саган-Нур → саганурцы
155. Шаралдай → шаралдайцы
156. Шинестуй → шинестуйцы
157. Тугнуй → тугнуйцы
158. Верхний Сутой → верхнесу-тойцы
159. Зандин → зандинцы
160. Северомуйск → северомуйцы
161. Тилишма → тилишминцы
162. Усть-Муя → устьмуйцы
163. Балакта → балактинцы
164. Ботогол → ботогольцы
165. Шаснур → шаснуровцы
166. Зун-Холба → зунхолбинцы
167. Ангир → ангирцы
168. Батурино → батуринцы
169. Татаурово → татауровцы
170. Турунтаево → турунтаевцы
171. Билютай → билютайцы

172. Дэдэ-Сутой → дэдэсутойцы
173. Харгана → харгана/й/цы
174. Новоселенгинск → новоселенгинцы
175. Саянтуй → саянту/й/цы
176. Селенгинск → селенгинцы
177. Средний Убукун → среднеубукунцы
178. Ташир → таширцы
179. Тохой → тохойцы
180. Удунга → удунг/ин/цы
181. Усть-Баргузин → устьбаргузинцы
182. Усть-Урма → устьурминцы
183. Жаргаланта → жаргаланта/й/цы
184. Кичера → кичерцы
185. Кумора → куморинцы
186. Атхатай → атхатайцы
187. Барыкино → барыкинцы
188. Челутай → челутайцы
189. Десятниково → десятниковцы
190. Хандагатай → хандагатайцы
191. Харитоново → харитоновцы
192. Куйтун → куйтунцы
193. Нижний Жирим → нижнежи-римцы
194. Верхний Жирим → верхнежи-римцы
195. Ахалик → ахаликцы
196. Далахай → далахайцы
197. Хойтогол → хойтогольцы
198. Ильчир → ильчировцы
199. Тагархай → тагархайцы
200. Тунка → тункинцы

201. Улбугай → улбугайцы
202. Зактуй → зактуйцы
203. Челутай → челутайцы
204. Эрхирик → эрхирикцы
205. Горхон → горхонцы
206. Хара-Кутул → харакутульцы
207. Хара-Шибирь → харашибирцы
208. Хотогор → хотогорцы
209. Новая Курба → новокурбинцы
210. Онохой → онохойцы
211. Старая Курба → старокурбинцы
212. Тарбагатай → тарбагатайцы
213. Ташелан → ташеланцы
214. Унэгэтэй → унэгэтэйцы
215. Заиграево → заиграевцы
216. Армак → армаковцы
217. Баянгол → баянгольцы
218. Бортой → бортойцы
219. Бургуй → бургуйцы
220. Цакир → цакирцы
221. Далахай → далахайцы
222. Дархинтуй → дархинтуйцы
223. Дутулур → дутулурцы
224. Горхон → горхонцы
225. Хамней → хамнейцы
226. Харацай → харацайцы
227. Хасурта → хасуртинцы
228. Холтосон → холтосонцы

Этнохоронимы, образованные описательным способом:

1. Большой Ушканий → жители села Большой Ушканий
2. Борогол → жители села Борогол
3. Элэсун → жители села Элэсун
4. Катунь → жители села Катунь
5. Курбулик → жители села Курбулик
6. Макарино → жители села Макарино
7. Максимиха → жители села Максимиха
8. Нестериха → жители села Нестериха
9. Соболиха → жители села Соболиха
10. Соёл → жители села Соёл
11. Суво → жители села Суво
12. Улюкчикан → жители села Улюкчикан
13. Уро → жители села Уро
14. Журавлиха → жители села Журавлиха
15. Байса → жители села Байса
16. Баунт → жители села Баунт
17. Ципикан → жители села Ципикан
18. Кыджимит → жители села Кыджимит
19. Маловский → жители села Маловский
20. Монгой → жители села Монгой
21. Буй → жители села Буй
22. Елань → жители села Елань
23. Харьяста → жители села Харьяста
24. Хаян → жители села Хаян
25. Никольск → жители села Никольск
26. Петропавловка → жители села Петропавловка

27. Шанага → жители села Шанага
28. Алцак → жители села Алцак
29. Баян → жители села Баян
30. Цаган-Усун → жители села Цаган-Усун
31. Гэгэтуй → жители села Гэгэтуй
32. Инзагатуй → жители села Инзагатуй
33. Обото → жители села Обото
34. Оёр → жители села Оёр
35. Домна → жители села Домна
36. Эгита → жители села Эгита
37. Гарам → жители села Гарам
38. Хорга → жители села Хорга
39. Озёрный → жители села Озёрный
40. Телемба → жители села Телемба
41. Тужинка → жители села Тужинка
42. Укыр → жители села Укыр
43. Ульзытэ → жители села Ульзытэ
44. Усть-Заза → жители села Усть-Заза
45. Кульск → жители села Кульск
46. Оиноборск → жители села Оиноборск
47. Санномыск → жители села Санномыск
48. Булаг → жители села Булаг
49. Еловка → жители села Еловка
50. Кибалино → жители села Кибалино
51. Колобки → жители села Колобки
52. Троицкое → жители села Троицкое
53. Заречный → жители села Заречный
54. Быково → жители села Быково
55. Дубинино → жители села Дубинино

56. Мишиха → жители села Мишиха
57. Мостовка → жители села Мостовка
58. Таловка → жители села Таловка
59. Чесан → жители села Чесан
60. Эдэрмэг → жители села Эдэрмэг
61. Леоновка → жители села Леоновка
62. Михайловка → жители села Михайловка
63. Ульзытэ → жители села Ульзытэ
64. Таза → жители села Таза
65. Ара-Алцагат → жители села Алцагат
66. Бурдуны → жители села Бурдуны
67. Эдуй → жители села Эдуй
68. Энхэ-Тала → жители села Энхэ-Тала
69. Харьястка → жители села Харьястка
70. Зурган-Дэбэ → жители села Зурган-Дэбэ
71. Бамбуйка → жители села Бамбуйка
72. Алаг-Шулун → жители села Алаг-Шулун
73. Бурдуково → жители села Бурдуково
74. Гурулево → жители села Гурулево
75. Таежный → жители села Таежный
76. Таксимо → жители Таксимо
77. Темник → жители села Темник
78. Ягодное → жители села Ягодное
79. Новый Уоян → жители села Новый Уоян
80. Надеино → жители села Надеино
81. Елоты → жители села Елоты
82. Еловка → жители села Еловка
83. Енгарга → жители села Енгарга
84. Гужиры → жители села Гужиры

85. Хурай-Хобок → жители села Хурай-Хобок

86. Монды → жители села Монды

87. Жемчуг → жители села Жемчуг

88. Шэнэ-Буса → жители села Шэнэ-Буса

89. Енгорбой → жители села Енгорбой

90. Хулдат → жители села Хулдат

Топонимы Еравнинского района РБ

Эвенкийские названия	Бурятские названия	Русские названия	Нет данных
с. Исинга с. Телемба	с. Тайлуд с. Можайка с. Укыр с. Гарам с. Тужинка с. Нархата (Сосново-Озерское) с. Харха с. Ширинга с. Улзыга с. Улан-Туя	с. Поперечное с. Погромная с. Тулдун с. Сосново-Озёрское с. Озёрное с. Комсомольское с. Целинный	с. Гунда с. Гонда
<i>Названия местности</i> Еравна Исинга Телемба Иринга Жараахай Удэ Коңда Маракта Бургунда Кыргында	Ангирта Ары-нур Гульматлы Харга Шэнэ-далай. Сурхайта Харатоором Шэнэһэтэ Хуһата Ута нуур Аршаан Турхэл Холбоон Худайн нуур	<i>Озера</i> Долгое Глазное Сосновое Соболка	Гунда Хоонти Хаймисаан Нохоони

Яблоновый хребет Цаган Хуртэй Алтан Үндэр Худан Сагаан Дархита Ундэр Хупан Толгой Баруун-Толгой Зуун-Толгой Удын Дабан Баян Хаан		Бухусан
---	--	---------

Научное издание

Дарима Шагдуровна Харанутова

Туяна Владимировна Мархеева

РЕГИОНАЛИЗМЫ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОЛЕКТА:
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ
И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

МОНОГРАФИЯ

В авторской редакции

Компьютерная верстка

А. Г. Мельникова

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 27.11.19. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 8,47. Уч.-изд. л. 7,37. Тираж 500. Заказ 236.
Цена свободная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: giobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии
Издательства Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а